

Нельзя забывать, что у нас есть люди, которые в начальство рвутся, любят ходить с портфелем...
Нечего греха таить, начальства еще у нас много в колхозах.

(Из речи товарища Н. С. Хрущева при вручении ордена Ленина Тульской области).

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

ПОРТФЕЛЕК-ТЕРЕМОК

В этот терем-портфель
Влезли все, кто только смог.
Надо взять их за бока
Да прогнать из теремка.

Крокодил

№ 7 (1549) 10 МАРТА 1959

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Мы пишем тебе из Кустанайской степи, с Соколовско-Сарбайского горнообогатительного комбината. Сооружение этого крупнейшего в стране железорудного предприятия объявлено всесоюзной ударной комсомольской стройкой. И комбинат и город для его будущих работников строит в основном молодежь, прибывшая по комсомольским путевкам со всех концов нашей страны.

Соколовско-Сарбайский комбинат стал уже действующим предприятием и дал Родине больше миллиона тонн высококачественной железной руды. В безлюдной некогда степи вырос город Рудный, и население его превысило уже сорок тысяч человек. Построена крупная дробильно-сортировочная фабрика доменных и мартеновских руд.

В общем сделано немало, а осталось сделать куда больше. Дела идут, но не всегда и не во всем так хорошо, как хотелось бы. И непорядки есть, и неполадки бывают, и, глядишь, кто-нибудь наголовотяпствует...

Вот мы и просим тебя, дорогой Крокодил, прими и ты по своей, так сказать, линии шефство над нашим комбинатом. Вспомни, как ты шефствовал в годы первых пятилеток над Магниткой и Кузнецком, — и тряхни стариной!

Будем стараться, чтобы наш комбинат попадал к тебе на вилы не часто, и все же, думаем, работенки тебе на первых порах хватит.

Ждем ответа.

По поручению коллектива горняков и строителей:

Слесарь автотранспортного цеха № 4 **К. АМЕЛЬЧЕНЯ**, слесарь ремонтно-механического завода **Н. БОДНЕВ**, машинист электровоза **Н. КУЛИКОВ**, слесарь автотранспортного цеха № 1 **Э. КУГУК**, бригадир бетонщиков завода железобетонных изделий **И. МУКАШЕВ**, бульдозерист тракторного парка **Н. УРЯДНИКОВ**, бригадир бетонщиков строительного управления «Промстрой-2», член исполкома городского Совета депутатов трудящихся **К. ЧЕРИЯЗДАНОВ**, бригадир бригады коммунистического труда **В. ЩЕРБА**, шофер автотранспортного цеха № 4 **Г. ЯКОВЛЕВ**.

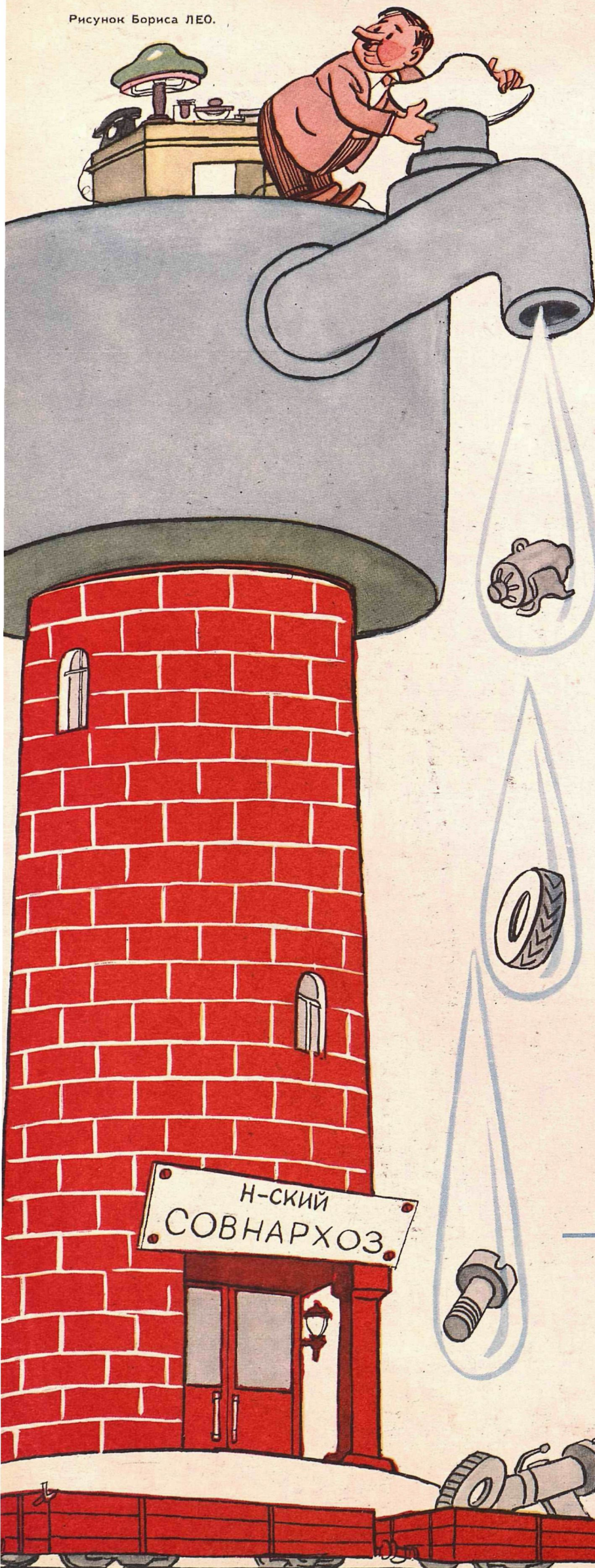
* * *

*Письмо я ваше получил.
Над вами шефство принимаю.
Готов помочь по мере сил,
Нисколько не жалея вил.
Но не считайте (намекаю!),
Что, дескать, ваша хата с краю.
Жду матерьялов!*

Крокодил

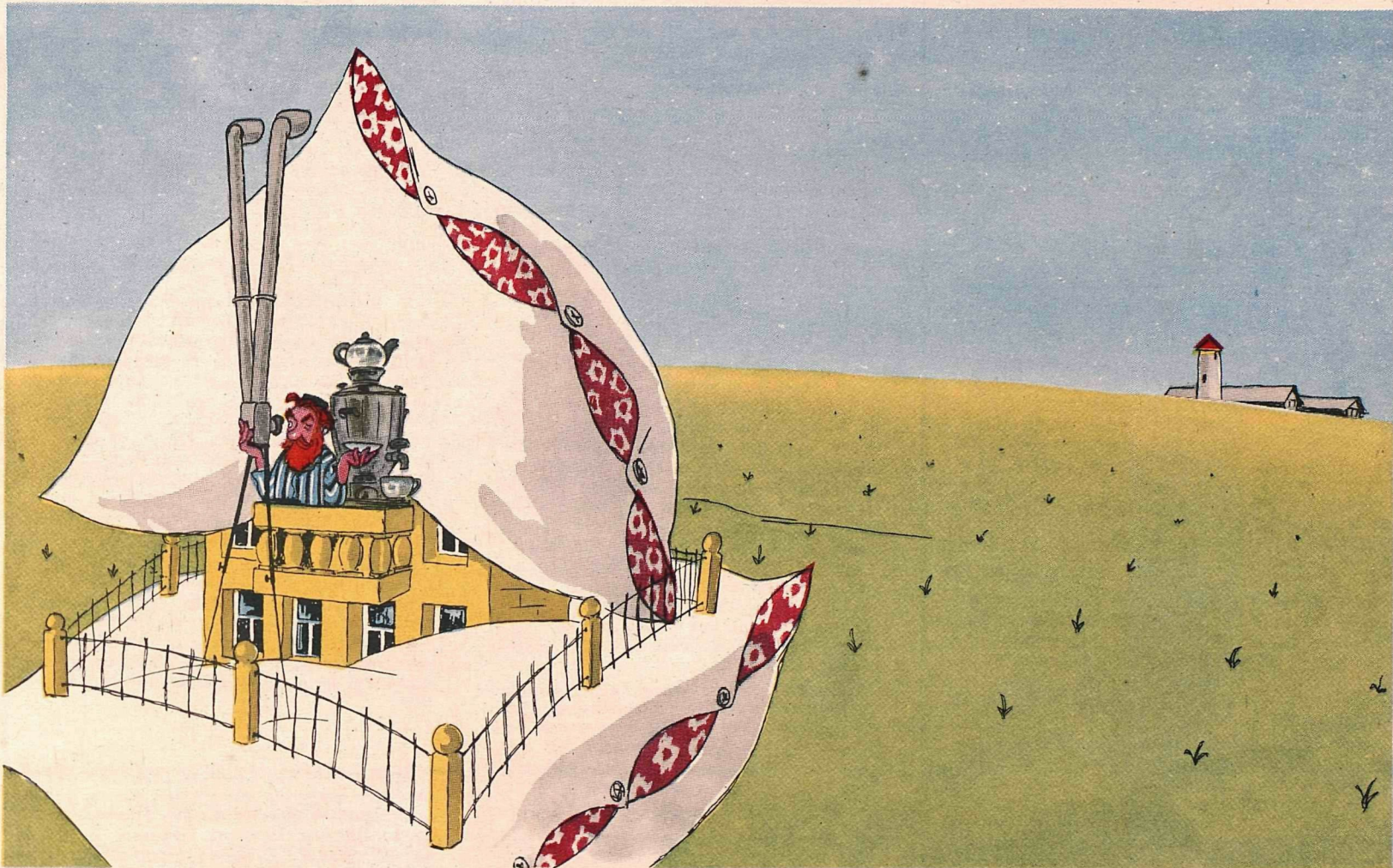
До сих пор не изжитая местническая тенденция выполнять обязательства по кооперированным поставкам во вторую очередь.

Не кооп, а кап... кап... каппоставки.

Члены Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук, как известно, избираются пожизненно. «Уверенность в несменяемости и отсутствие отчетности,— заявил на XXI съезде КПСС тов. Т. С. Мальцев,— вряд ли служат поощрением творческой деятельности. Нужно иметь большую силу воли, чтобы, попав в вечные академики, не поддаться академизму, не заостенеть в консерватизме и успокоении».

Рисунок Е. ГУРОВА.

Жизнь прожить — не поле перейти.

КРИК ЗАТОВАРЕННОЙ ДУШИ

Что общего:
Между пуговицей и керосиновой лампой?
Между сливовым повидлом и сапожным кремом?
Между брючным поясом и театральным креслом?
— Конечно, ничего! — ответят, усмехаясь, неискушенные читатели.
Тогда слушайте!

НА БОБАХ

Руководители консервных предприятий Херсонского и Одесского совнархозов — увы! — остались на бобах.

На складах херсонских заводов имени Сталина и имени 8 марта салобобовые консервы — фасоль со шпигом и горох со смальцем — прозябают еще с 1954 года да при этом вкупе с другими консервами на сногшибательную сумму — в тринадцать миллионов рублей!

На Одесском консервном комбинате разработали новую технологию: консервируют консервы. Этот оригинальный процесс принес немалые результаты: здесь в наглухо закупоренных и покрасневших от стыда и ржавчины банках законсервировано два миллиона рублей!

Правда, в конце прошлого года в Херсоне произошло радостное событие. Многолетние залежи консервов уменьшились на семь миллионов рублей! Вы полагаете, что неожиданно обнаружилась неподнятая целина страстных любителей гороха со смальцем? Отнюдь нет. Консервы не продали, а... уценили.

Одновременно, воспользовавшись благоприятной ситуацией, на заводе имени Сталина недавно выпустили в свет и тут же, не отходя от кассы, уценили как неходовые еще пятьдесят тысяч банок тех же консервов с фасолью и горохом, чем сумели огорошить даже видавших виды ревизоров Советского контроля.

СЛАДКО БЫЛО НА БУМАГЕ...

Кому не известна картинка с изображением симпатичного, упитанного малыша и с подписью: «Я ем повидло и джем!» При взгляде на этого краснощекого бутуза каждый невольно улыбается.

Впрочем, не каждый. У руководителей консервных заводов Херсонского и Дагестанского совнархозов реклама этой сладкой продукции вызывает горькие ассоциации. Да оно и понятно: чему радоваться, если на складах скопилось на десятки миллионов рублей повидла и джема, а едоков раз-два — и обчелся!

— Когда-то повидло покупали вместо сахара, — вздыхая, поведал нам главный инженер Херсонского завода имени 8 марта тов. Молчанов. — Теперь сахару в стране много, и спрос на повидло резко снизился...

Казалось бы, из этого нужно сделать необходимые выводы. И руководители предприятий их сделали: они перевыполняют план и получают премии за выпуск продукции... для склада.

— Да, с этим надо что-то делать, надо что-то предпринять! — охотно согласился с

нами начальник Управления пищевой промышленности Херсонского совнархоза тов. Воронин. — Будем думать.

А пока он думает, растет гора банок, деликатно именуемых «продукцией, имеющей ограниченный сбыт».

ВСЕ В ПРОШЛОМ

«На базе скопилось керосиновых ламп 44 100 штук, которые полностью обеспечивают потребность 1959 года. Наряд на отгрузку нам 15 600 ламп в I квартале 1959 года просим аннулировать и отгрузку не производить. Счет оплачивать не будем».

«У нас на базе имеется 50 000 ламп. Ими очень насыщена торговая сеть. Просим не грузить, так как принимать и оплачивать не будем. Согласны на уплату санкций за невыборку ламп по фонду».

Такие отчаянные послания шлют из разных областей торговые базы заводам, выпускающим керосиновые лампы. Но крик затоваренной души не встречает сочувственного отклика. Забыв о том, что электричество проникает в самые отдаленные уголки нашей страны, руководители этих предприятий с железобетонным упорством тщетно стараются внедрить в быт отживающую свой век керосиновую лампу.

На Одесском заводе имени Тельмана ламп и горелок скопилось на полмиллиона рублей! А на Бронницком, Белокриницком и Мирчанском стекольных заводах Киевского совнархоза затоваренные лампы освещают по-

ка только внушительную и малоутешительную сумму замороженных оборотных средств — пять миллионов рублей!

ГАЛАНТЕРЕЙНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

— Пуговицы, пуговицы!
— Берите пуговицы! Не пожалее! Сами в петлю лезут!

Так примерно рекламирует продукцию Мытищинской галантерейной фабрики треста «Мособлгалантерейпром» работник, специально нанятый фабрикой для выполнения функций «скорой помощи». Его единственная и авральная обязанность — сбыт, или, точнее, сбыть с рук.

Ситуация у руководителей фабрики сложилась действительно аховая: пуговиц сделано много, а их никто не покупает. Незавидное положение и у руководителей Симферопольской галантерейной фабрики. Перевыполнив в прошлом году программу (премию-то получить хочется!), они оказались в пуговичном тупике, из которого до сих пор не могут выбраться. К 1 января 1959 года фабрика буквально утонула в пуговицах, которых, по самым скромным подсчетам, осталось на складе на четыре миллиона рублей! Хоть самим в пору вместо пуговиц в петлю лезть!

Немало горя хлебнула и Одесская кожгалантерейная фабрика. Здесь наготовили множество брючных поясов из свиной юфти, которыми, как с легким опозданием сообщили торговые организации, никто не хочет подпоясываться. На складе их примерно на миллион рублей! И руководители фабрики вынуждены всем кланяться в пояс: дескать, купите у нас эти ремни!

НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

— В безудержной погоне за «валом», — печально сказал нам заместитель начальника Управления кредитования промышленности совнархозов Правления Госбанка СССР тов. Смирнов, — руководители иных предприятий напрасно затрачивают деньги, материалы, труд и наносят огромный ущерб государству.

В погоне за «валом» рождаются анекдоты. Руководители мебельной фабрики № 1 Ленинградского совнархоза валяются в ногах у директоров театров:

— Расширяйте театры! Увеличивайте количество мест! Создавайте уют в фойе и в залах!

Мольба не случайна: фабрика затоварена театральными креслами.

На одном из предприятий Ярославского совнархоза выпустили резинку для вздержки в количестве, которого с избытком хватило бы, чтобы выложить ею дорогу от Ярославля до Москвы. Торговая сеть вопит, что она не резиновая и больше брать резинку не может, но руководители предприятия, заткнув уши, гонят ее сверх плана и сверх здравого смысла.

А на Свердловском технохимзаводе в премиальном ажиотаже перевыполнили план по такой уникальной и остродефицитной продукции, как... крем сапожный. И теперь руководители предприятия с ног сбились в поисках покупателей. Где, в самом деле, сыскать такое количество нечищеной обуви?..

* * *

Так выяснилось, что у различных изделий имеется много общего.

Пуговицы и керосиновые лампы, сапожный крем и повидло, брючные пояса и театральные кресла — это...

...омертвленные капиталы и шаблонное планирование;

...поверхностное изучение спроса, при котором от торговых организаций систематически поступают сперва заказы, а потом отказы;

...это, в целом, нерадивое отношение к государственному добру.

Крик затоваренной души должен быть услышан!

Я. ДЫМСКОЙ,

специальный корреспондент Крокодила.

Слово читателя

В № 1 Крокодил обратился с новогодним словом к читателям и рассказал о своих ближайших планах.

В ответ и читатели попросили слова для замечаний и практических предложений.

М. Созин из Сталинграда: Задачи вы поставили перед собой большие и полезные. Но если читатель не будет знать, какие меры приняты по вашим выступлениям, у нас сложится мнение, что вы работаете не вилами, а обычным канцелярским пером. Уделяйте хотя бы несколько строк тому, как поздоровилось, вернее, как не поздоровилось, тем, кого вы заделали вилами.

Крокодил: Справедливые замечание! Принял к сведению и исполнению.

* * *

Начальник ремонтно-строительного цеха Каменск-Уральского завода по обработке цветных металлов Масленников, секретарь парторганизации Колесник и председатель цехового комитета Хлызов: Для изготовления тары нам нужна тарная дощечка толщиной от 20 до 25 миллиметров, а нам шлют от 30 до 60 миллиметров. Половина пиломатериалов превращается в стружку. Наш отдел технического снабжения ссылается на совнархоз, а там все сваливают на Главлеснабсбыт. Как тебе нравится такое расточительство?

Крокодил: Совсем не нравится. Поставщики, небось, рапортовали, что выполнили план поставок на все сто процентов. За это следовало бы тех, кто вынуждает вас стругать дощечки, самих постругать хорошенько.

* * *

Рабочий Черногорского угольного разреза треста «Хакассуголь» Сидоренко: Здравствуй, Крокодил! Ты пишешь о разбухших управленческих аппаратах. Я подсчитал, что на предприятиях Дагестанского совнархоза на каждые сорок рабочих приходится семь работников управленческого аппарата. Рабочих нашего разреза это не удивляет. На двести восемьдесят восемь рабочих у нас приходится шестьдесят два работника аппарата. И это после сокращения!

Крокодил: Это как же понимать? Чуть ли не на каждый пяток рабочих по начальнику! Не слишком ли густо, товарищи из Красноярского совнархоза?

* * *

М. Кутняк, заведующий отделом по строительству в колхозах из Бакурского района, Саратовской области: Не пора ли навести порядок в заготовке леса для колхозов? А то что получается: каждый район безлесных областей создает за тридевять земель свои заготовительные конторы с солидным штатом, посылает уполномоченных, которыми забиты вокзалы и гостиницы. Я недавно ездил покупать лес для колхозов нашего

района в Пермскую область и такого насмотрелся, что Крокодилу на сто номеров хватит. «Представители» колхозов покупают лес, тут же его перепродают, совершают всякие махинации и обильно смачивают эти махинации водкой, конечно, за колхозный счет.

Крокодил: Разговоры о «диких» лесозаготовителях ведутся давно. Может быть, Госплан СССР включится в этот разговор и выскажет свое веское и решающее слово?

* * *

А. Ботвинник из Новосибирска: Уважаемый Крокодил! Ты упустил из виду одно существенное обстоятельство: чтобы быть бережливым, надо знать географию. В Главнабе Министерства торговли пренебрегли этой истиной и занарядили Новосибирской базе «Обувьторга» шестьдесят тонн угля... из Кизеловского угольного бассейна. Почему из Кизела, откуда до Новосибирска добрых две тысячи километров? Ведь под боком, всего в двухстах километрах от Новосибирска, находится Кузбасс.

Крокодил: Видимо, Министерству торговли придется организовать краткосрочные курсы по изучению географии, а заодно и арифметики, чтобы работники Главнаба могли подсчитать, во что обходится государству их слабая успеваемость по этим двум школьным предметам.

* * *

Акмаль Пулат, главный редактор узбекского журнала «Муштум», члены редакционной коллегии Гафур Гулям, Абдулла Каххар, Николай Леушин: Дорогой Крокодил! Салам тебе, наш старший брат! И твоим читателям наш сердечный салам!

Узбекские писатели, сатирики и художники журнала «Муштум» с удовлетворением встретили крокодильскую программу действий в предстоящей семилетке.

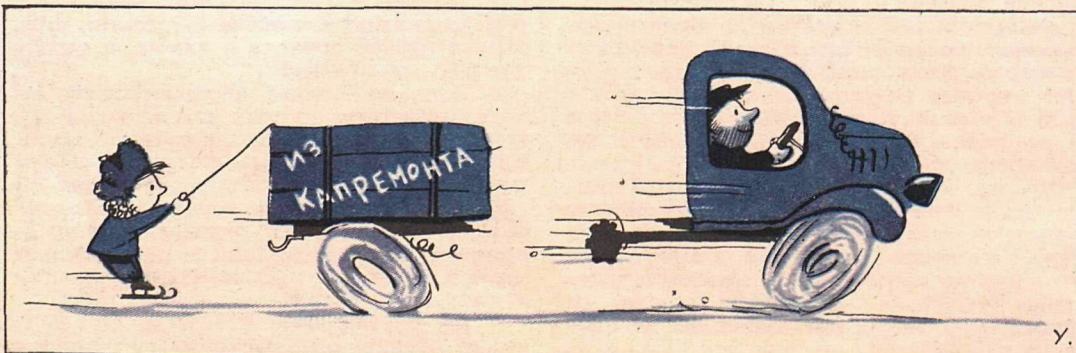
Ты правильно поступил, что решил не разбрасываться во все стороны, а наметил себе одну определенную дорогу. Оно и понятно: два арбуза под мышкой не удержишь.

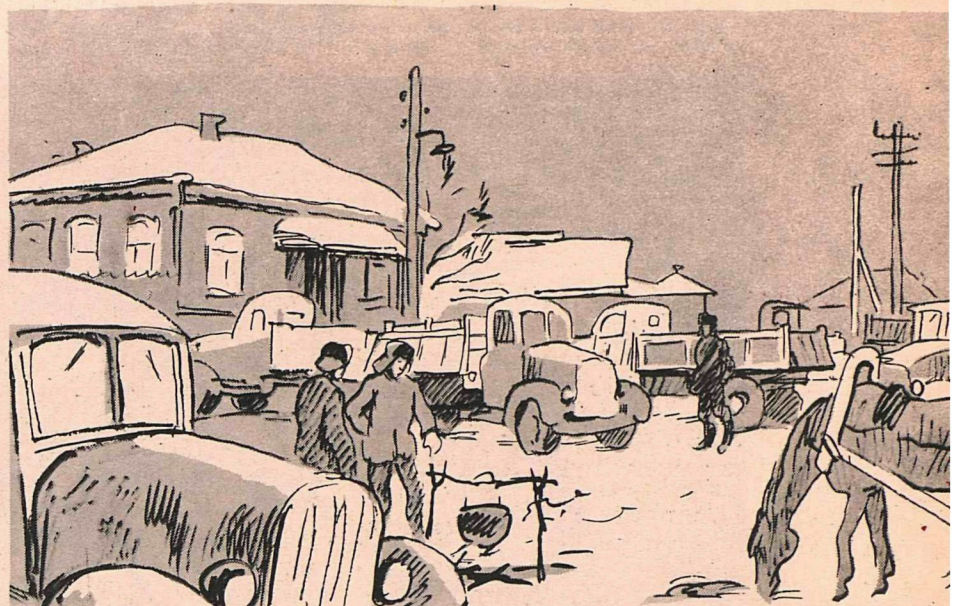
Мы обещаем вместе с тобой бороться за экономию, против расточительства, за бережное отношение к народной копейке. У русских есть поговорка: копейка рубль бережет. Узбеки говорят: капля за каплей создают озеро.

Ты борешься за один миллиард. Мы же скажем в напуществе: «Бринг иккибульсин!» («Пусть он удвоится!»).

Крокодил: Взаимный салам тебе, дорогой брат «Муштум»! Спасибо за доброе слово. Рассчитываю на активную поддержку всех братских сатирических журналов.

Рисунок М. УШАЦА.

Зарисовки с натуры специального корреспондента Крокодила А. КРЫЛОВА.

ВДАВАЯСЬ В ДЕТАЛИ...

Трудно механизаторам колхозов и совхозов добиться получения деталей и запасных частей. Понапрасну обивают они пороги конторы Кустанайского отделения Автотракторосбыта (рисунок вверху). Что делать! Приходится им покупать и обменивать детали...

...друг у друга (рисунок слева).

БЫЛО ДАНО ЗАДАНИЕ...

Вернувшись из длительной служебной поездки, сотрудник Кустанайского завода искусственного волокна Н. И. Мурашко чувствовал себя изрядно утомленным. Зато результатами командировки он был вполне удовлетворен. И с чистым сердцем приписал в конце авансового отчета:

«Прошу разрешить оплату постели туда и обратно».

Директор завода А. В. Кетов означенное ходатайство уважил и отчет утвердил. Тем более, что к нему приложена была докладная записка о многотрудных делах командированного.

Вот цель его поездки по маршруту Кустанай — Красноярск — Ангарск — Кустанай:

«Было дано задание в Красноярске выяснить возможность получения сушильного агрегата, а в Ангарске выяснить возможность изменения технологии».

А вот исчерпывающий результат:

«Указанные задания выполнены. Красноярский завод сушильный агрегат отпустить не может... В Ангарске изменить технологию не могут...»

Чтобы получить в Красноярске и Ангарске поворот от ворот, Н. И. Мурашко, не щадя сил и времени, проехал по железной дороге около семи с половиной тысяч километров. Для той же благой цели дирекция не пощадила заводской кассы, не поскупилась на суточные, разъездные, квартирные, железнодорожные, телеграфные и телефонные расходы. Чего не сделаешь, когда хочется все толком выяснить!

Правда, такой же ясности можно было добиться более простым путем: послать запрос по почте.

Но мало ли что можно! Директор А. В. Кетов своим умом живет...

ПРОВОДА ГУДЯТ

Трест «Кавминпромстрой» — краса и гордость клиентуры Пятигорской конторы связи. Изо дня в день управляющий тре-

стом М. С. Ерофеев и его заместитель Б. Б. Ярмахов обмениваются со своими полпредами, раскомандированными по многим городам и весям, оживленными телефонно-телеграфными репликами.

Пятигорск требует:

— Проявите инициативу и находчивость!

Из Саратова отвечают:

— Стараюсь. Телеграфьте пятьсот!

Пятигорск настаивает:

— Добивайтесь!

Крокодильское обозрение

ПРОЖОРЛИВАЯ ОРДА

Из Тбилиси слышится:

— Пока ничего определенного. Телеграфьте шестьсот!

Пятигорск горячится:

— Любыми мерами!

А из Новороссийска и Баку несутся по проводам огорченные вздохи:

— Без нарядов не дают. Телеграфьте!..

В Ростове-на-Дону и Тюмени, Грозном и Могилеве, Астрахани и Липецке, Краснодаре, Свердловске, Моздоке... Где только не бывали толкачи «Кавминпромстрой»! За год они обошлись тресту без малого в полтораста тысяч рублей! И хоть толку от них с гулькин нос, командировки выписываются щедрой рукой, деньги выдаются главным бухгалтером С. Д. Казаковым беспрепятственно. А провода все гудят и гудят:

— ...Надо достать!.. Телеграфьте пятьсот!.. Проявите инициативу!.. Телеграфьте!.. Телеграфьте!..

НЕЗАМЕТНЫЕ ТРУЖЕНИКИ

Не помню уже точно, кто именно, но какой-то полудревний мудрец сказал: «Табель — зеркало дисциплины». Загляните в табель слесаря восьмого разряда В. И. Тюганова и контролера Ф. И. Фейгиной — и вы убедитесь: таких работяг нет во всей системе Новосибирского совнархоза.

Что уж там говорить о прогулах — у них не зафиксировано ни одного хотя бы минутного опоздания! Даже ни одной неявки по болезни.

Вы хотели бы лично познакомиться с этими незаметными тружениками? Пожалуйста! Только не ездите в Новосибирск. Там вы их наверняка не найдете.

Почему?

Потому что постоянное место жительства новосибирского «слесаря восьмого разряда» Тюганова и новосибирского «контролера» Фейгиной — город Москва. А подлинный род занятий — толкачество. Иначе говоря, мнимое содействие в том, что их помощи совсем не требует. И за что они получили — ни много, ни мало — четырнадцать тысяч рублей чистоганом.

...Загляните в отделы сбыта больших, средних, даже малых предприятий страны. Едва ли не всюду вы встретите представителей шумной и прожорливой толкаческой орды. В лучшем случае толкачи просто не приносят ни малейшей пользы тем предприятиям, которые их послали. В худшем — незаконно «вырывают» то, что предназначено другим. И при всех обстоятельствах мешают работать, вносят сумятицу, загружают поездку и гостиницы...

А. БУРКАЛЬЦЕВ, старший контролер Комиссии советского контроля при Совете Министров СССР;

Н. ЛИТВИНЕНКО, старший контролер Министерства финансов Казахской ССР по Кустанайской области;

И. МАЛЯР, сотрудник газеты «Ленинская смена» (Алма-Ата);

Н. ПАНОВ, заместитель управляющего пятигорским отделением Промбанка;

С. ШЕВЕЛЕВ, корреспондент Крокодила.

Сферы влияния бабушки и мамы. Папа сохраняет полный нейтралитет.

Н. ЧЕРЕПАНОВА

Фаддей-чудодей

Ходит слава про Фаддея,
Про Фаддея-чудоддея,
Будто лучше всех врачей
Может вылечить Фаддей.

Он диагноз ставит скоро
И дает лекарство сразу.
Лечит он от наговора,
От дурного лечит глаза,
И от грыжи, и от корчи,
И от самой черной порчи...

Сам он лекарь, сам аптекарь.
Все готовит самолично,
Для любого человека
Сварит снадобье отлично.

Никаких рецептов длинных,
Никаких пенициллинов.

Не слышал он, что на свете
Есть какая-то латынь.
У него за все в ответе
Баннй веник и полынь.

Зелье делает отлично
Он из банного листа.
Материал всегда в наличии,
Технология проста.

Лист сушенный,
Лист моченый —
Не в простой воде, в свяченой,—
И сеченый,
И толченый,
И с полынью кипяченный.

Но однажды чудоддея
Уложил в постель недуг.
Плохо дело у Фаддея...
Собралась родня вокруг.

У постели все хлопчут,
Всяк помочь больному хочет.

— Ты, Фаддеюшка, лежи.
Что подать тебе, скажи:
Лист толченый,
Лист сеченый
Или лучше кипяченный!

Зарычал на них Фаддей:
— Что я, сам себе злодей!!

Мне врача скорей к постели!
Все лекарства мне достать!
Не дурак я, в самом деле,
Дрянь-то всякую глотать...

г. Чебоксары.

ПРИАЗОВСКОЕ КОПЫТО

Герои романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок» не всегда удачно придумывали названия для своих учреждений:

Черноморское отделение арбатовской конторы
по заготовке рогов и копыт.

Длинно, вяло, не броско! Сталинский облпромсовет присваивает подопечным артелям г. Жданова более хлесткие и выразительные имена:

«ПРИАЗОВСКАЯ КОСТЬ»
Кооперативно-промышленная артель.

Недурно, не правда ли? В свою очередь, мы можем предложить не менее соблазнительные варианты:

«ПРИМОРСКИЙ РОГ», «ПРИАЗОВСКОЕ КОПЫТО», «ПРИБРЕЖНОЕ РЕБРО».

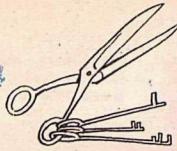
Нам сообщают

В своем письме «Необыкновенный концерт», опубликованном в Крокодиле (№ 36, 1958 г.), читатели рассказали о недостойном поведении артистов Шурова и Рыкунина в аэропорту Минеральных Вод.

Этот гастрольный номер успеха не имел. Решением Всероссийского гастрольно-концертного объединения артистам Шурову и Рыкунину запрещено выступать в сольных концертах до 1 января 1960 года.

Очень любили работники Чувашского совнархоза тт. Арендаренко и Самородский гостить в Москве с командировочными удостоверениями в кармане. Не брезговали они и квартирными, хотя оба имеют в Москве свою жилплощадь. По этому поводу Крокодил высказался в фельетоне «О совещаниях и вокруг...» (№ 36, 1958 г.).

Как нам сообщили из Чебоксар, на виновных наложены взыскания.

КТО будет оспаривать, что в каждом ремесле есть свои профессиональные тайны? Кто посмеет утверждать, что мы до конца проникли в колдовское мастерство творцов огнедышащей пожарной котлеты или цельнокроенного одеяния, способного начисто затушевать недостатки данной конкретной женской фигуры и одновременно оттенить, подчеркнуть буквально все ее достоинства? Это в одинаковой мере относится к любой сфере человеческой деятельности.

И все же, исследуя труд Н. Ф. Гарнича «1812 год», автор этих строк достиг определенных успехов в раскрытии тайны одной профессии. Оказывается, для ремесла тружеников пера всех времен и народов характерна одна общая закономерность.

Речь идет о том, что любое произведение любого автора сначала существует в черновике, а потом уже приобретает окончательный, законченный вид. Для наглядности я хочу привести несколько цитат из сочинения Н. Ф. Гарнича.

ЧЕРНОВИК

«Поход Наполеона в Россию сопровождался острым продовольственным кризисом в Париже и необычайным ростом цен на предметы продовольствия, а в некоторых провинциях наступил голод, вызвавший в Нормандии восстание, подавленное силою оружия. Опасаясь «голодных бунтов», Наполеон ввел закон «о максимальных ценах», который очень мало успокоил народные массы».

«Крестьянство, отвлекаемое от своего хозяйства непрерывными войнами, не имело возможности заняться мирным трудом. Неуплата обедневшим крестьянином налогов влекла за собою конфискацию земли».

«Постепенно Наполеон утрачивает опору во всех классовых группировках Франции, кроме крупной буржуазии, оберегаемой наполеоновским правительством».

«План Наполеона, намеченный в общих чертах еще до начала похода, созрел по мере движения его войск к русской границе и поступления сведений о силах и группировке русских».

«Жером двигался открыто; Евгений Богарне получил распоряжение распространять слух, что он наступает на Варшаву, в то время когда фактически он двигался на сближение с левым крылом армии».

«Наполеон согласился вступить в мирные переговоры, но отказался отвести войска за Неман. Война стала совершившимся фактом».

Как успел, вероятно, заметить читатель, окончательный текст или буквально совпадает с черновыми набросками, или содержит малозначительные различия. Это свидетельствует об основательности взглядов Н. Ф. Гарнича, не склонного менять свои суждения, подобно какой-нибудь ветреной девчонке...

Но дело не только в этом.

В прежние времена существовало выражение «перебелить», означавшее необходимость переписать черновик набело. Для совершения этой операции пользовались сначала гусиным, а позднее — стальным пером.

Н. Ф. Гарнич принял на вооружение другое оружие — ножницы. Раньше инженеры человеческих душ пользовались собственными черновиками.

Н. Ф. Гарнич — чужие.

Удобства ради он использовал, собственно говоря, даже не черновик, а законченное произведение. Ибо цитаты, расположенные нами под рубрикой «черновик», взяты Н. Ф. Гарничем со 176, 177, 184, 185 и 187-й страниц книги Н. А. Левицкого «Полководческое искусство Наполеона», изданной в 1938 году Воениздатом, и воспроизведены без всяких оговорок о заимствовании в собственном сочинении, выпущенном Госкультпросветиздатом в 1956 году, соответственно на 39, 40, 43, 44 и 58-й страницах.

Читатель понимает, конечно, что для краткости мы привели лишь некоторые цитаты, безвозмездно заимствованные Н. Ф. Гарничем у Н. А. Левицкого. Всего таких заимствований, в том числе целыми страницами, обнаружено несколько десятков.

Догадывается читатель, вероятно, и о другом: занявшись перебеливанием в широком масштабе, Н. Ф. Гарнич не мог ограничить себя, одним источником.

Совершенно верно, не ограничил!

В 1867 году в Москве вышла книга одного из участников Отечественной войны 1812 года, И. П. Липранди, «Пятидесятилетие Бородинской битвы или кому и в какой степени принадлежит честь этого дня?». Из этой книги Н. Ф. Гарнич произвел до тридцати заимствований.

Известно, что в военной среде всегда было высоко развито чувство чести. И не случайно обер-квартирмейстер 6-го корпуса русской армии И. П. Липранди в конце своей книги называет 143 автора, сочинениями которых он пользовался. В труде генерал-майора в отставке Н. Ф. Гар-

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

«Поход Наполеона в Россию сопровождался острым продовольственным кризисом в Париже и необычайным ростом цен на предметы продовольствия. В некоторых провинциях наступил голод, вызвавший в Нормандии восстание, подавленное силою оружия. Опасаясь голодных бунтов, Наполеон ввел закон «о максимальных ценах», который очень мало успокоил народные массы».

«Крестьянство, отвлекаемое от своего хозяйства непрерывными войнами, не имело возможности заняться мирным трудом. Неуплата обедневшим крестьянином налогов влекла за собою конфискацию земли».

«Постепенно Наполеон утрачивает опору во всех классовых группировках Франции, кроме крупной буржуазии, оберегаемой наполеоновским правительством».

«План Наполеона, намеченный в общих чертах еще до начала похода, уточнялся по мере движения его войск к русской границе и поступления сведений о русских силах и их группировке».

«Жером Бонапарт двигался открыто; Евгений Богарне получил распоряжение распространять слух, что он наступает на Варшаву, в то время когда фактически он двигался на сближение с левым крылом армии».

«Наполеон согласился вступить в мирные переговоры, но отказался отвести войска за Неман. Война стала совершившимся фактом».

нича такого списка нет. Он стыдливо умалчивает и о книге «Пятидесятилетие Бородинской битвы» и о ее авторе.

Вот они, окутанные дымкой колдовства тайны ремесла!

В своем введении к книге «1812 год» Николай Федорович Гарнич утверждает, что из 2500 различных книг и брошюр, изданных до революции, «всего только несколько произведений относительно добросовестно освещают военные события 1812 года», а именно книги Д. И. Ахшарумова и Н. Ф. Дубровина.

Но к чему такая категоричность, Николай Федорович? Отчего бы вам не назвать хотя бы еще одного дореволюционного автора, например, Л. Н. Толстого! И опять-таки не сослаться на уже упоминавшийся труд И. П. Липранди, в котором еще за 89 лет до появления в свет вашего сочинения был убедительно разоблачен миф о победе французов при Бородине и о том, что наполеоновские полчища якобы загублены русскими морозами!

Понятно, почему Н. Ф. Гарнич не сделал этого: он промаршировал в сочинители, держа в одной руке объемистый труд в 22 печатных листа, а в другой — заявочный столб первооткрывателя темы.

Сомнительно, что человек, которому впервые в истории цивилизации удалось испечь румяный, аппетитный пирог, потребовал немедленно узенчать свое чело лаврами.

Николай Федорович высказал такое желание в совершенно недвусмысленной форме. Мы читаем:

«Оригинальный, новый труд о войне 1812 года, написанный Н. Ф. Гарничем в популярном изложении для массового читателя, достоин поощрения в виде Ленинской премии, так как эта книга является вкладом в историческую науку в СССР и способствует культурному росту и патриотизму народов СССР». «...В описании и анализе хода военных действий в 1812 году заслуживают особого внимания новые, оригинальные мысли автора, дающие Н. Ф. Гарничу право на беспспорный научный приоритет в трактовке важнейших событий 1812 года».

Откуда взяты эти цитаты? Из письма в Комитет по Ленинским премиям Ученого совета Бородинского военно-исторического музея.

В Комитет по Ленинским премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР. (1)

Музей поддерживает (2)

Желаю издать книгу Н. Ф. Гарнича «1812 год» на основании Ленинской премии. Оригинальный, новый труд о войне 1812 года, написанный Н. Ф. Гарничем, достоин поощрения в виде Ленинской премии, так как эта книга является вкладом в историческую науку в СССР и способствует культурному росту и патриотизму народов СССР.

Да, но при чем здесь автор книги, спросит читатель? При том, что, как свидетельствует воспроизводимая здесь фотокопия, письмо в Комитет по Ленинским премиям написал... сам Н. Ф. Гарнич!

Таким образом, мы раскрыли последнюю тайну избранного Николаем Федоровичем ремесла.

Поскольку ремесло это явно выпадает из сферы влияния Аполлона и может быть смело отнесено к ведомству Фемиды, то не пора ли считать недействительным членский билет ССП СССР, выданный на имя Н. Ф. Гарнича?

И еще одно замечание. Н. Ф. Гарнич когда-то имел отношение к армии, но и сейчас, не имея к ней никакого отношения, любит щегольнуть в полной парадной форме. Кажется нам, Николай Федорович, что генеральские лампасы несколько стесняют вас. Не правда ли? Послушайтесь доброго совета: спорите их!

М. СЕМЕНОВ

ПЛЮС ОТДЫХ...

ЛЮБИТЕ ли вы, читатель, отдых? Не желаете ли с этой благородной целью заглянуть в клуб?

Если согласны, то могу предложить одну интересную поездку. В Москве, на Казанском вокзале, сядем спокойно в электричку и, отмахав километров двадцать восемь (а может быть, все тридцать), сойдем на станции Люберцы. Дальше надо будет, набравшись сил, пройти пешком минут пятнадцать.

Проделав этот несложный путь, мы очутимся в клубе Люберецкого завода сельскохозяйственных машин. Завод большой — целый город. Ну, а клуб? Зайдем, попробуем отдохнуть здесь.

Но вот досада, в клубе собрание! Мы как раз попали сюда в тот час, когда Николай Васильевич Морозов, директор клуба, только что отчитался на собрании профсоюзного актива о проделанной работе.

Докладчику, может быть, и жарко (всем докладчикам жарко), но актив сидит в пальто и шапках. Зато с рук предусмотрительно сняты перчатки и варежки: этак вольготней аплодировать докладчику, когда он упоминает о достижениях вверенного ему учреждения.

Ну что ж, присоединимся к активу, раз уж мы приехали.

Начались прения. Слово взял очень приятный и мыслящий старичок — очки в железной оправе, седенькая бородка клином и густые усы, которые, кажется, выросли специально для того, чтоб в них прятать лукавые улыбки.

Оратор, конечно, откашлявшись, сказал:

— Клуб — это, конечно, минус скука. В клуб человек приходит не для того, чтоб зевать, дремать и тосковать. Этим, извините, он может вдоволь заняться на общем собрании жильцов своего дома. Так что в клубе не должно быть нудных лекций, серых докладов и тому подобных унылых мероприятий.

Наш клуб, спасибо ему, кое-чего достиг. И, несмотря на холод в помещении, каждый из нас имеет возможность тепло отозваться о его работе. Для точности хотел бы подчеркнуть: более или менее тепло.

Начну с лекций. За последние десять месяцев в клубе было прочитано сто сорок четыре лекции. На какие темы? На самые разнообразные: международные, научные, исторические, бытовые, литературные, этические. Вот только бога забыл наш директор — ни одной атеистической лекции. Прямо по пословице: «Бога не обижай, и бог тебя не обидит».

Но пойдем дальше. Я только что заглядывал в библиотеку. Там как раз сейчас выдача книг. Много народу — и взрослых и мальцов. Постоянно берут книги в библиотеке три тысячи человек.

— Хорошо! — послышался голос из задних рядов.

— Согласен, хорошо. Опять же насчет кино. Восемнадцать сеансов в неделю. Как по-вашему?

Несколько голосов:

— Вполне достаточно!

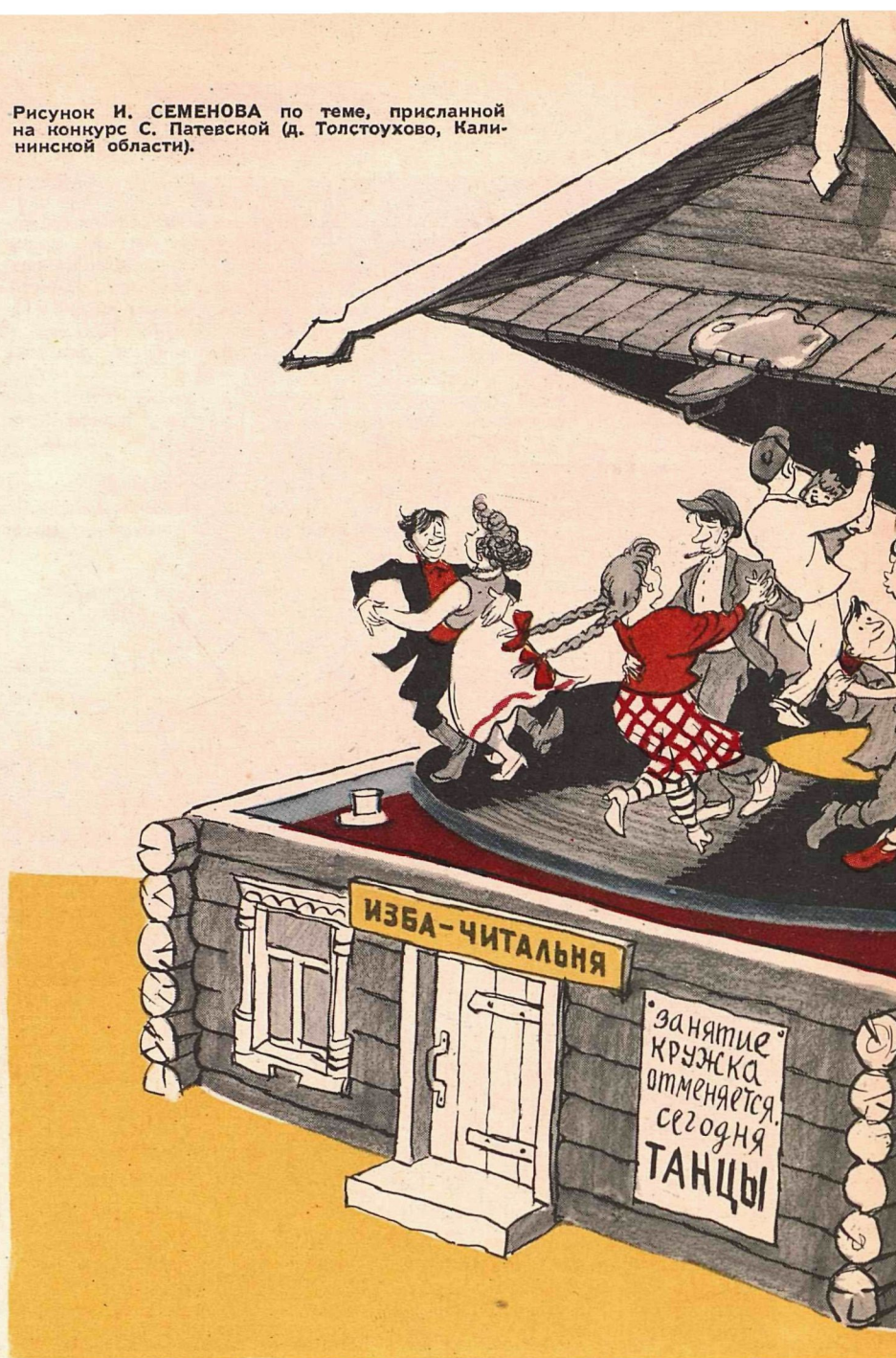
— И я так думаю. А вот уважаемый и влиятельный товарищ по фамилии Финплан смотрит иначе. Сей Финплан происходит из обкома нашего профсоюза машиностроителей, дай ему бог здоровья и всяческого благополучия. И Финплан требует, чтобы клуб давал доход от кино четыреста тысяч рублей в год. Хочешь не хочешь, а крути кино. Надо ли, не надо — крути. Кто там разберет, хороша ли картина или плоха, — крути, и дело с концом.

Но ведь мы же не «Орион» и не «Колизей», а заводская самодеятельная организация, призванная сочетать удовлетворение потребности трудящихся в отдыхе и здоровых развлечениях с распространением среди них политических и научных знаний, как авторитетно определил безмянанный автор в 21-м томе БСЭ! И почему товарищ Финплан думает, что «Матрос с «Кометы» и «Девушка с гитарой» да танцы перед сеансом — это и есть самый настоящий, стопроцентный отдых?

Конечно, вы скажете, что у нас в клубе есть и самодеятель-

(Окончание см. на стр. 9.)

Рисунок И. СЕМЕНОВА по теме, присланной на конкурс С. Патовской (д. Толстоухово, Калининской области).

Широкий кру...

ЧИСТОТА — ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ

Он рук не мыл перед едой,
И дело кончилось бедой:
Из пальца высосав сюжет,
Поэт погиб
Во цвете лет.

Ал. ОСИПОВ

Г. Кишинев.

ИРОНИЧ

Не шути

Он закончил рецензу
«Прочти и скажи свое
или ругаю?»

За столом он был су-
ком — душа-человек.

Он ел начальство гла...

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

Порочно-поточный метод обработки детали.

...МИНУС СКУКА

ность и работа с детворой ведется. Правильно. Но я хотел бы сделать ударение не на этих достижениях, а на недостатках.

Недавно в одной книжке я вычитал, как одна старушка говорила о девушке: «Очень хорошенькая, кабы не личико».

На личике были пятна. Вот и на личике нашего клуба тоже есть кое-какие пятна.

Я уже говорил, что клуб — это минус скука. И надо добавить: плюс отдых. А ведь в наш клуб люди являются главным образом на вечерние мероприятия, после которых отдыхать идут домой.

Это — самое большое пятно на лице клуба.

Вот, к примеру, забрел я сюда вчера вечером. Хотел посидеть в тепле, в тишине, в спокойствии. Желал полюбоваться картинками в журнале, потрудиться над кроссвордом или — воспоминания ради — прочитать любовное стихотворение. А в нашем клубе читальни нет. Значит, нет для меня полноценного отдыха.

На меня, старика, клуб не обращает никакого внимания. А это неправильно. Когда-то могли бы мне сказать: «Куда тебе, старый, в клуб! Сиди, дед, на печи!» Теперь этого не скажут: печей-то в новых домах нет. И нельзя же мне заявить: «Сиди, дед, на батарее центрального отопления!»

Но шутки в сторону. Поговорим серьезно. Вот захотел я, Игнат Парфентич, уютно посидеть вдвоем с Егором Карпычем, моим сверстником. Задумали мы поиграть в шахматы, выпить по чашке чаю или кофе, поговорить о жизни, потолковать о будущем города Люберцы и о политике Соединенных Штатов Америки на Ближнем Востоке. Пошли бы в клуб. А в клубе нет ни чая, ни кофе, ни уюта, ни места для беседы и отдыха.

Дело, разумеется, не только в людях моего счастливого возраста.

Возьмите молодежь. Не каждый парень любит крендели штиблетами выписывать. Он хочет, например, на бильярде сразиться или потренироваться в тире, а девушка — прийти в клуб с рукоделием и, может быть, с пальцами в руках, спеть что-нибудь лирическое про березку. Но им предлагают девушку с гитарой, но без адреса, либо девушку с адресом, но без гитары, либо в лучшем случае падеграс.

Перед тем как прийти на собрание, я внимательно просмотрел журнал «Клуб» за прошлый год. Думал, что в «Клубе» я найду что-нибудь интересное о клубе. Нашел!

Нашел я целых шесть строчек, которые меня заинтересовали. В корреспонденции из Харькова, в которой говорится о клубе завода «Серп и молот», сказано, что «особенно многолюдно бывает здесь в предвыходные и выходные дни, что здесь можно «посидеть в комнате отдыха у телевизора, за чашкой чаю».

Вот, оказывается, куда надо ездить пить чай — в Харьков!

А может быть, надо съездить не в Харьков, а на Урал, в город Миасс. «Приезжайте отдыхать к нам», — призывает заголовок корреспонденции из Миасса в том же журнале «Клуб».

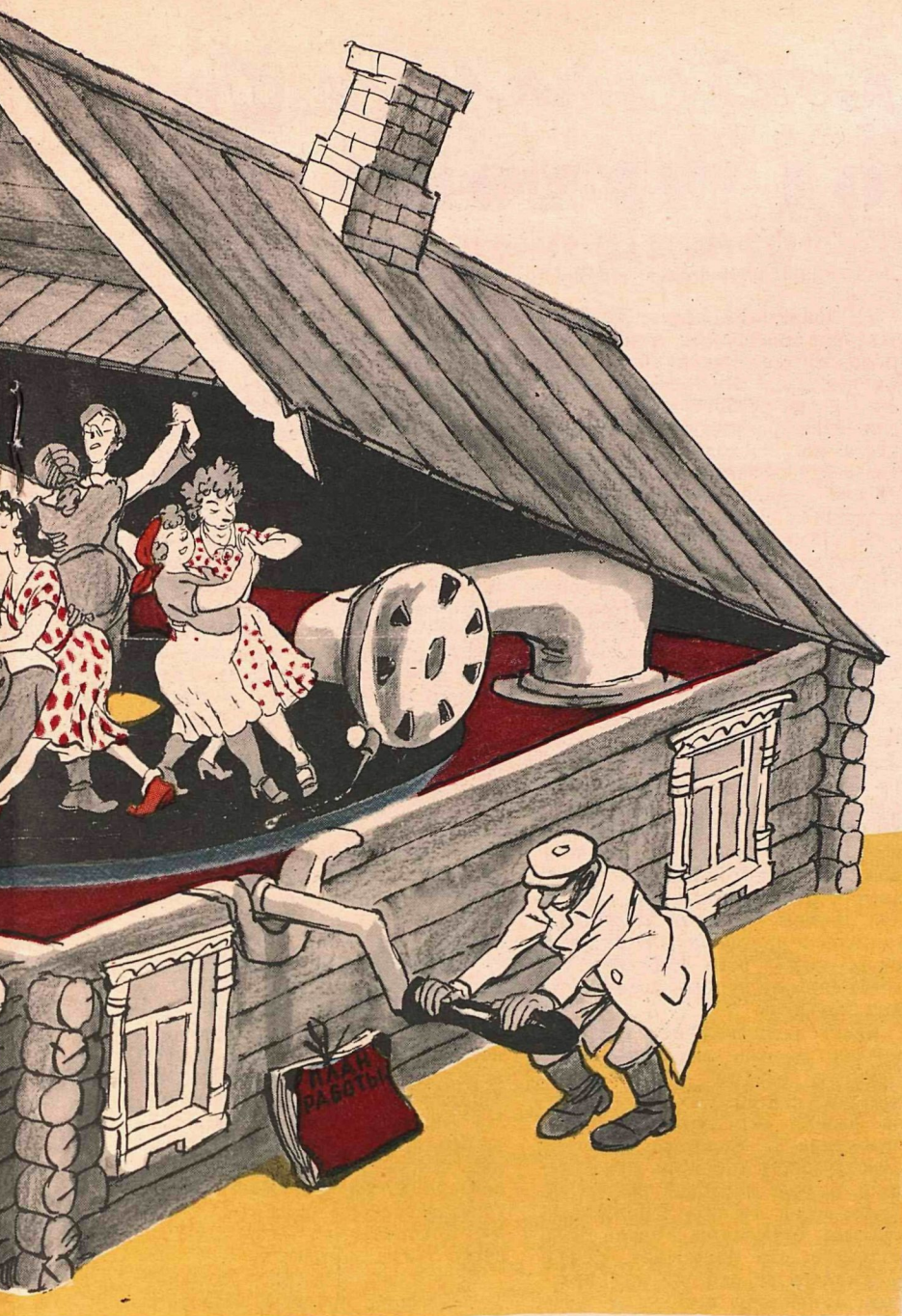
Речь идет о работе тамошнего Дома культуры, о том, что в нем, как розы, хороши и свежи гулянья. Автор корреспонденции восклицает с энтузиазмом: «Может ли быть массовое гулянье без хорошего баяниста и неутомонного массовика?»

Прочитал я это, дорогие товарищи, и сердце мое защемило. Ведь понапрасну вся жизнь моя прошла. Дожил я до седых волос и ни разу за все годы не отдыхал, не гулял под наблюдением неутомонного массовика!..

Вот как некоторые клубные деятели разумеют работу клубов и пекутся об отдыхе трудящихся. Я кончил, — заключил старик свою речь.

Я тоже закружусь, говорит автор этих строк. Не сдержал я своего слова, дорогой читатель, не отдохнули мы с тобой в Люберецком клубе. Ну, а если бы мы поехали не в Люберцы, а, скажем, в Солнечногорск? Как там обстоит дело по линии отдыха? И как добиться, чтобы эта очень важная линия восторжествовала? Ваше мнение, читатель?

Г. РЫКЛИН

г деятельности.

РЕДСКАЯ СМЕСЬ

ки ради...

ию и попросил жену:
мнение: я хвалю фильм.

*
ким и нудным, за столи-

*
вами. И съел.

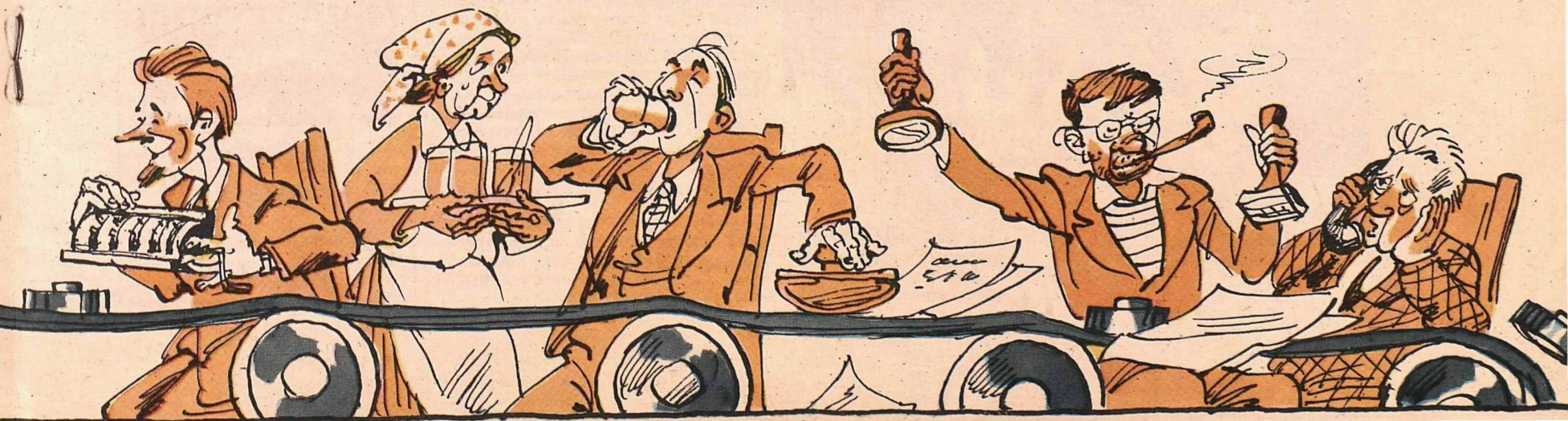
Б. ЦАЦКО

ДРУГУ-КОМПОЗИТОРУ

Ты выше Шуберта! Хвала тебе и честь!
Ведь у него, хоть он талант разносторонний,
Одна лишь «Неоконченная» есть,
А у тебя штук пять иль шесть
Едва лишь начатых симфоний!

АРГО

На предприятиях раздут счетно-контрольный аппарат.

МАЭСТРО ПОД МУХОЙ

КАК известно, семеро одного не ждут. Нет у них, у семейных, такого желания. Это по пословице. Но в жизни бывает зачастую наоборот.

Представьте себе плюшевую полянку, картонные буки, грабы и прочую флору из папье-маше. По полянке в свете юпитеров и софитов ходят взволнованные участники съемочной группы «Солнце светит всем». Несмотря на столь жизнерадостное название, создатели будущего фильма выглядят довольно мрачно. Им надоело смотреть на дверь, из которой уже давно

должны были появиться зеленая шляпа и оранжевые штiblеты Константина Наумовича.

— Двенадцать близится, а Германа все нет! — сказал главный герой, обводя прочих бездействующих лиц помутневшим взором.

— А вдруг Константин Наумович захворал? — высказал кто-то предположение. — Может, пойти проведать?

Идея понравилась. Персонажи отправились на квартиру маэстро.

— Константин Наумович, — жалобно зывали они, толпясь на

лестничной площадке, — откликнитесь!

Из квартиры донеслось рычание. Дверь распахнулась, и на пороге появился маэстро. О боже! Как он выглядел! Лик его был ужасен, давно не брит и сильно помят. Маэстро что-то хотел произнести, но... поскольку язык предательски отказался служить, он только свирепо вытаращил глаза и замычал. Кинематографисты попятнулись. Дверь моментально захлопнулась.

А на следующий день в диспетчерском графике «Мосфильма» против названия «Солнце светит всем» появилось мрачное, как туча, слово «простой». Туча находилась на график целую неделю.

Возможно, не стоило бы так подробно описывать этот банальный факт из биографии режиссера К. Н. Воинова, если бы он, этот факт, не обошелся государству в десятки тысяч рублей! Сто сорок метров было недоснято режиссером за угарную неделю. Шестидней большой коллектив съемочной группы — актеры, операторы, гримеры и другие служители кинематузы — ждал, пока Воинову не надоест снимать пробы с многозвездных коньяков.

Будет несправедливо, если мы, уделив столько внимания К. Н. Воинову, обидим других «межзвездных скитальцев». Когда группа фильма «Солдатское сердце» режиссера С. Колосова покинула свою комнату в студии, она оставила на поле недавней творческой битвы шкаф, доверху наполненный винными бутылками. Можно было подумать, что съемочная группа занималась не работой над фильмом, а приемом посуды от населения. А режиссер Т. Мелиава и его ассистент Э. Ходжикян, снимавшие картину с символическим названием «У тихой пристани», встретили новый, 1959 год в совершенно не подходящем для праздника месте — в вытрезвителе.

— Позвольте, — скажут, прочитав эти строки, руководители студии, — мы ведь боремся! Мы не оставляем подобные факты без самого пристального, строгого и т. п. внимания.

Верно, не оставляют. Да, борются. Но разрешите в общих чертах обрисовать, как ведется эта борьба.

После недельного прогула «блудный сын» вернулся в директорское лоно с повинной головой. С миллой, подкупающей откровенностью К. Н. Воинов известил, что отсутствовал по серьезной, исключительно уважительной причине: «был не в кадре» из-за беспорядочного пьянства. Пока дирекция оттачивала карающий меч, в общественных организации началось паломничество защитников.

— Вы травмируете творческую личность! — запальчиво заявляли они. — Он талантливый и симпатичный.

— Но ведь он прогулял целую неделю!

— А что такое неделя? Это миг в нашей быстролетящей жизни, как сказал, кажется, Пушкин.

— Но этот миг влетел государству в копейку!

И когда в мосфильмовской печати робко пожурили прогульщика и его защитников, поднялся страшный шум. По требованию артистки Л. Смирновой три раза в течение одной недели собиралась редколлегия газеты. Нет, не затем, чтобы обсудить материалы о Воинове! Л. Смирнова обрушилась на автора заметки, который осмелился поднять руку на «талантливого и симпатичного».

Под давлением ходячих меч возмездия постепенно тупел. И когда он рубанул повинную голову режиссера, то удар его оказался не таким уж страшным. Строгий выговор и... пятьсот три рубля из зарплаты — вот и все наказание. Ничего не поделаешь, исключительная личность! Ей все можно, ей позволено даже изящным жестом выбрасывать на ветер государственные деньги.

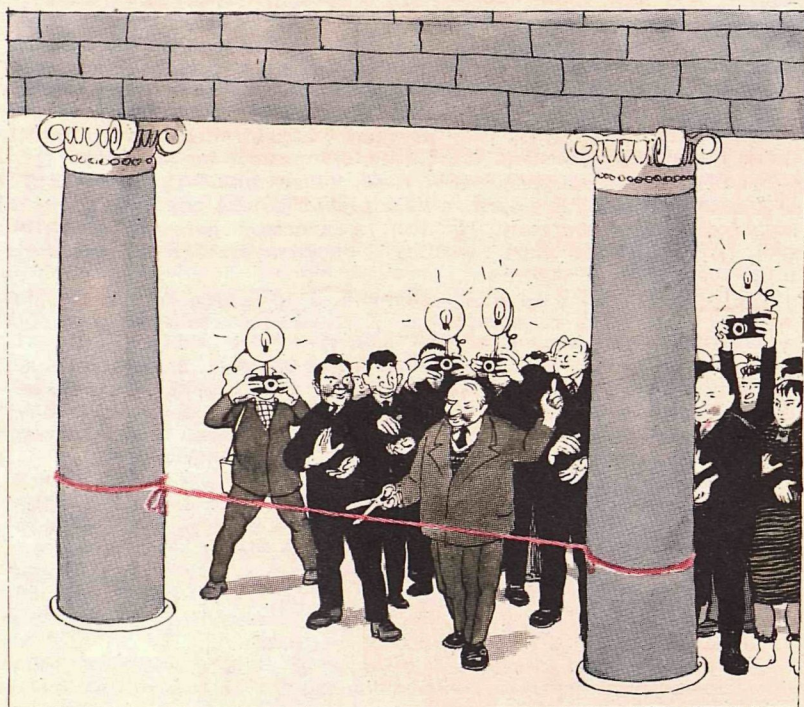
Откуда такая деликатность?! Не потому ли в графиках работы съемочных групп частенько появляются словечки, вызывающие улыбки у посвященных: «больны два актера», «не вышли», «простой»?

У нас нет желания вовлечь работников «Мосфильма» в «Лигу трезвости». У нас более скромное желание: пусть весело проведенное иным режиссером или актером время не наносит морального и материального ущерба киностудии. На заводе десятки и сотни рационализаторов прилагают все усилия, чтобы сэкономить лишние килограммы металла, сберечь лишнюю государственную копейку. А вот для Воинова и ему подобных и десятки тысяч не деньги.

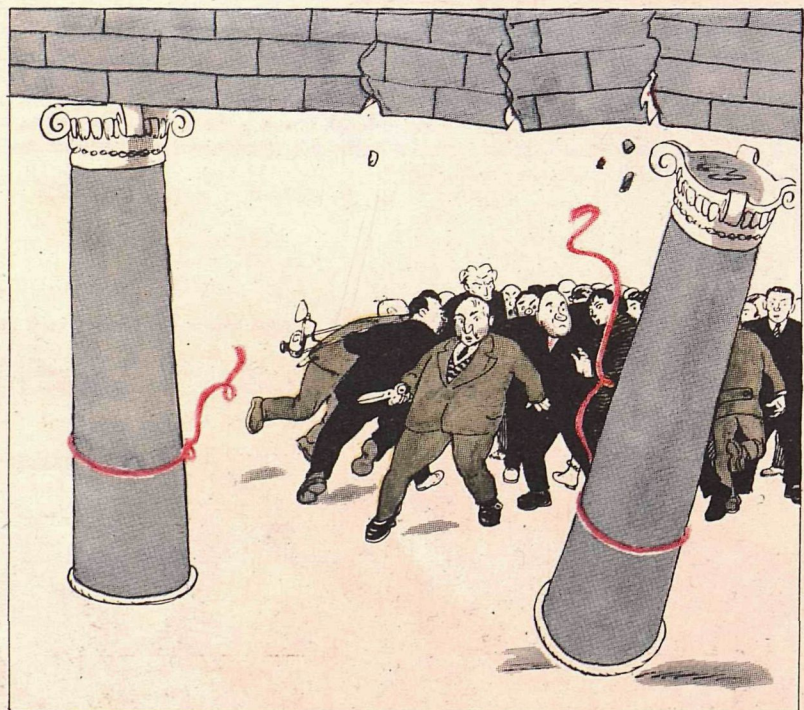
Есть у нас еще одно желание. Тоже весьма скромное. Надо, чтобы фильмы, которые призваны воспитывать миллионы людей, создавались художниками высокой морали и большой души, а не завсегдажными вытрезвителями.

В. ТИТОВ

Рисунок Н. УСТИНОВА.

— Внимание! Открываем Дом культуры!..

Охране природы, лесов и парков, рек и озер, борьбе с хищническим истреблением птицы, рыбы и зверя будет посвящен

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ
НОМЕР
КРОКОДИЛА**

Дорогой читатель,
прими в нем участие!

Ужасная судьба Мельпомена Джонса

Бывают люди — не мы с вами, конечно: мы-то знаем, как себя держать, — однако бывают люди, которые как придут в гости, так уж потом ни за что не могут распрощаться и уйти. Когда гость чувствует, что ему самое время уходить, он встает и решительно заявляет: «Ну, мне кажется, что...». Но хозяева говорят: «Да что вы? Уже? Ведь еще так рано!» И начинаются бессмысленные препирательства.

Пожалуй, самый печальный из подобных случаев, которые мне известны, произошел с моим бедным другом Мельпоменом Джонсом, помощником священника. А это был такой славный молодой человек, всего двадцати трех лет от роду! Когда он приходил в гости, он просто не мог уйти. Он был слишком добропорядочен, чтобы солгать, и слишком благочестив, чтобы рискнуть показаться грубым. И вот случилось так, что в первый же день своего летнего отпуска он отправился с визитом. Впереди у него было полтора месяца — целых полтора месяца! — полного ничегонеделания. Джонс пришел часа в два, немножко поболтал, выпил две чашки чаю, потом собрался с духом и выпалил:

— Ну, мне кажется, что...

— Нет, нет, мистер Джонс! — воскликнула хозяйка. — Неужто вы не можете посидеть еще чуточку?

Джонс всегда говорил только правду.

— Конечно, — сказал он, — остаться-то я... э-э-э... могу...

— Вот и посидите еще!

И он остался. И выпил одиннадцать чашек чаю! Дело шло к вечеру. Джонс снова поднялся.

— Ну, теперь, — вымолвил он робко, — мне кажется, что в самом деле...

— Вам нужно идти? — вежливо осведомилась хозяйка. — А я думала, что вы бы могли пообедать с нами...

— Вообще-то я смог бы, — сказал Джонс, — если только...

— Ну, конечно! Оставайтесь! Я уверена, что муж будет в восторге!

— Хорошо, — беспомощно отозвался Джонс, — я останусь.

И он снова упал в кресло, до краев налитый чаем и глубоко несчастный.

Вернулся глава семьи. Пообедали. За трапезой Джонс все обдумывал, как бы ему уйти в половине девятого. А семейство тем временем гадало, кто же такой мистер Джонс: дурак и невежа или просто дурак?

После обеда хозяйка решила «занять» гостя и стала показывать ему фотографии. Она устроила целую семейную выставку из нескольких десятков фотографий: там были и фото папиного дяди с женой, и фото маминного брата с малолетним сыном, и на редкость занятное фото друга папиного дяди в мундире Бенгальского полка, и на редкость удачное фото собаки компаньона папиного дедушки, и на редкость безнравственное фото самого папы в маскарадном костюме дьявола.

К половине девятого Джонс изучил семьдесят первую фотографию. Оставалось еще около шестидесяти девяти. Джонс поднялся.

— А теперь разрешите пожелать вам доброй ночи, — взмолился он.

— Доброй ночи? — вскричали они. — Но почему же? Ведь еще только половина девятого! У вас какие-нибудь дела?

— Никаких, — сознался он и, пробормотав что-то о свободных полтора месяцах, жалобно рассмеялся.

И тут выяснилось, что общий баловень, этакий славный шалунишка, спрятал шляпу мистера Джонса. И тогда папа сказал, что Джонс просто обязан остаться, и предложил ему выкурить трубочку и поболтать запросто. Трубочкой он занялся сам, а беседу предоставил Джонсу, и тот все не уходил. Каждую секунду он порывался сделать решительный шаг, но не мог. Скоро папа смертельно устал от Джонса, стал нервничать и наконец ядовито заметил, что лучше бы Джонсу и переночевать у них, они уж пристроят его где-нибудь на полу! Но насмешка не дошла по адресу, и Джонс со слезами на глазах поблагодарил папу, а тот отвел его в свободную комнату и проклял от всей души.

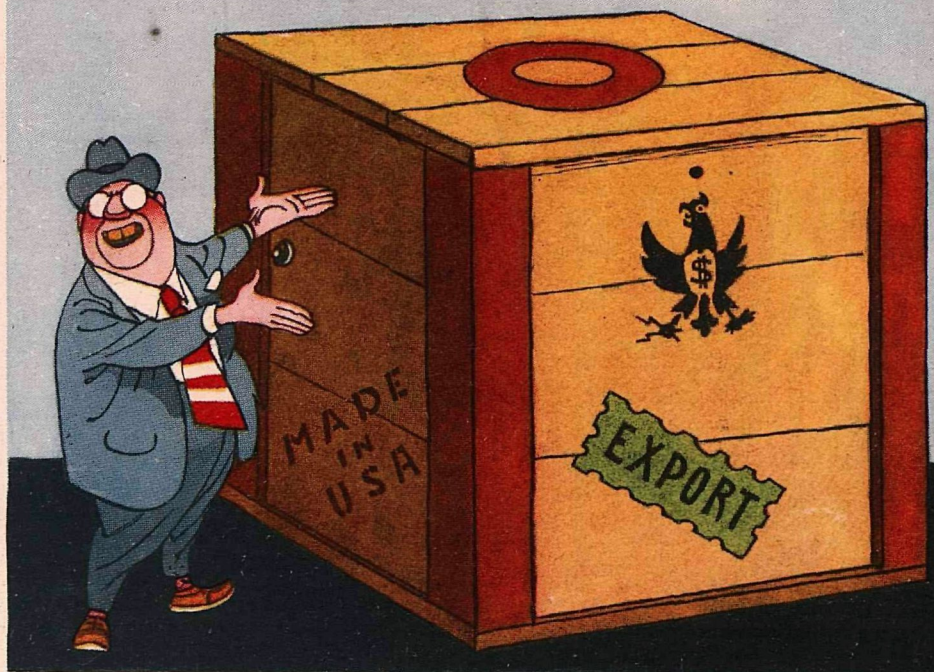
На следующее утро после завтрака папа отправился на работу в Сити, а Джонс, вконец убитый, остался играть с малышом. Мужество совершенно покинуло его. Весь день он собирался уйти, но так много думал об этом, что просто не мог двинуться с места. Вернувшись вечером домой, папа был неприятно поражен, снова обнаружив Джонса. Тогда он вздумал поддеть его.

— По всему видно, — пошутил папа, — что мне придется взять вас на полный пансион!

И папа захихикал. Несчастный молодой человек дико вытаращил глаза, сжал папину руку, уплатил ему за месяц вперед, а потом не выдержал и расплакался, как дитя.

С той поры Джонс стал угрюмым и замкнутым. Жил он, разумеется, почти не выходя из гостиной, и здоровье его сильно пострадало от недостатка движения и свежего воздуха. Он только и знал, что пить чай и разглядывать фотографии. Бывало, он часами не двигался с места, созерцая фотографии друга папиного дяди в мундире Бенгальского полка, разговаривая с ним, а иногда горько проклиная его. Рассудок Джонса заметно помутился.

В конце концов произошла катастрофа. Хозяева уложили Джонса в постель: он бредил и метался в жару. Болезнь была на редкость тяжелой. Несчастный не узнавал никого, даже друга папиного дяди в мундире Бенгальского полка. Порой он срывался с постели, пронзительно вопил: «Ну, мне кажется, что...» — и с душераздирающим сме-

КОРОБКА С СЮРПРИЗОМ
— Мы готовы торговать с Россией даже...

Рисунок Ю. ГАНФА.

(См. рисунок на следующей странице).

хом снова валился на подушки. Затем опять вскакивал с громкими воплями: «Еще чашку чая и фотографий! Еще фотографий! Ха! Ха!»

Он мучился целый месяц и мирно скончался как раз в последний день своего отпуска. Рассказывают, что за минуту до смерти он поднялся на своем ложе, лицо его озарилось прекрасной, доверчивой улыбкой, и он промолвил: «Ну, меня призывают ангелы. Боюсь, что теперь мне и в самом деле пора. Прощайте!»

И душа его устремилась из своей тюрьмы с той же быстротой, с какой перепрыгивает садовую ограду кот, за которым гонится собака.

Перевод с английского А. ИЛЬФ.

РЕПЛИКИ

ШАХ И ЕГО ШАГ

По поводу срыва иранским правительством переговоров о заключении договора о дружбе и ненападении между СССР и Ираном.

Страна — Иран. И шах — иранский.
Но шахов шаг — американский!

К ВОПРОСУ О БЕРЕГАХ

По поводу хвастливых заявлений некоторых заокеанских деятелей о способности флота США высадить десант в любой точке советского побережья.

Хоть есть охотников немало
Топтать чужие берега,
Для них цена десанта стала
Катастрофично дорога!
Совет агрессорам таков:
Не выходить из берегов!

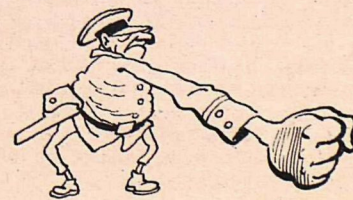
А. МАЛИН

г. Симферополь.

ПРИ СЛАБОМ ТЕЛЕ...

По поводу создания в некоторых странах неонацистских «правительств сильной руки».

Они кричат: «Рука сильна!»
Но не в руке тут дело:
Не выручает там она,
Где все ослабло тело!

СЕМЬ ЛУЧШИХ

В ЭТО время кинокритики обычно составляют список лучших десяти фильмов за год. Пользуясь последним голливудским отбором, мы предлагаем список нескольких лучших американских фильмов, которые зрители, по всей вероятности, увидят на экранах в 1959 году.

ТАРЗАН В АМЕРИКЕ. Это будет последний фильм в знаменитой серии. Поскольку главный герой неграмотен и провел всю свою жизнь в джунглях, в конце картины Тарзану предоставят важный пост в госдепартаменте США.

АДАМ И ЕВА. Голливуд заново переписывает Библию, сделав ее более подходящей для сценария цветного боевика. Шестичасовая гигантская эпопея достигнет кульминации в момент, когда Адам и Ева обвенчаются в нью-йоркском городском муниципалитете.

БЕТХОВЕН. Эта возвышенная и благородная картина представит великого музыканта как энтузиаста рок-н-ролла, чьи интересы вращаются вокруг вращающейся пластинки. Главную роль будет исполнять король рок-н-ролла Элвис Пресли.

МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ — ВЕНЕРА. Фильм покажет высадку на Венере группы американских космонавтов во главе с Джоном Фостером Даллесом. С захватывающим интересом зрители увидят, как жители Венеры, опоенные кока-колой, согласятся вступить в НАТО. Фильм завершится прибытием на планету

руководителя ФБР Эдгара Гувера, который должен расправиться с местными подрывными элементами, ведущими антиамериканскую пропаганду.

РУЖЕЙНЫЙ ДЫМ В КОРАЛЛЕ. Крупнейший ковбойский боевик 1959 года покажет Гарри Купера. Гарри исполнит роль добряка-ковбоя, который ненавидит насилие и убивает 17 человек, чтобы сохранить свою должность швейцара в местном баре.

Я КУРИЛЬЩИК ОПИУМА. Как показывает название, главный герой этого блестящего фильма — наркоман. Не бывший наркоман, а просто наркоман. Не бывшая голливудская звезда, не бывший спортсмен, а просто американский сенатор, который курит опиум вот уже 32 года, любит его и не собирается отказываться от своей привычки. В картине есть элемент пропаганды. Зрителю внушается мысль о том, что Чан Кай-ши следует разрешить беспогонный ввоз в США опиума, тем самым сделав его более доступным для широкой публики.

ГА-ГА. Эта безумно веселая музыкальная комедия будет нести в себе глубокую и серьезную идею: если девушка хочет блистать на голливудском поднебесье, ей вовсе не нужно обладать талантом. Ей нужно обладать фигурой с измерениями груди, талии и бедер соответственно: 170 см, 60 см, 170 см.

Из газеты «Канадиен трибюн».

...такими товарами!

КАВАЛЕР ШУТОВСКОГО ОРДЕНА

ИЗ ВЕКА в век, из года в год прирейнские немцы Аахена и Кельна, Дюссельдорфа и Майнца устраивают веселые зимние карнавалы: по улицам шествует разряженное и хмельное «карнавальное воинство», в колесницах на огромных пивных бочках, словно на спинах индийских слонов, проезжают «принцы» и «принцессы», пивные и сосисочные «короли», окруженные «телохранителями» в средневековых костюмах герольдов и трубадуров.

Восходящая звезда карнавального сезона 1959 года — сам Конрад Аденауэр. По случаю своего столетнего юбилея Аахенский карнавалный союз торжественно провозгласил федерального канцлера кавалером ордена «Против убийственной серьезности».

Великая честь выпала на долю нового кавалера шутовского ордена! Не всякого удостоивает Аахенский союз своей высшей награды. Как сообщает газета «Рейнишер меркур», кандидату в кавалеры ордена «Против убийственной серьезности» мало быть обыкновенным шутом или остроумной канальей. Он «должен при исполнении своих служебных обязанностей доказать истинное понимание юмора».

В этом году боннский канцлер по всем статьям вышел в кавалеры шутовского ордена. В письме Конраду Аденауэру президент Аахенского карнавального союза Кенигштейн, прося боннского канцлера принять орден, заявляет:

«По нашему единодушному мнению, Вы, глубокоуважаемый г-н федеральный канцлер, обладаете в высшей степени всеми предпосылками для награждения Вас орденом. В различных обстоятельствах Вы снова и снова доказывали, что Вам присуща особая рейнская разновидность юмора... Это является тем свойством, которое мы особенно ценим и хотим отличить перед общественностью, чтобы тем самым подобные примеры стали поучительными...»

Итак, немцы Западной Германии должны, очевидно, поспешить набраться аденауэровского политического юмора, вновь заблеставшего в серебряном сиянии ордена «Против убийственной серьезности».

К примеру, жители Дортмунда не желают, чтобы у самых стен их родного города, на аэродроме Бакель, чужеземцы строили базу для запуска атомных ракет. Немцы убеждены, что над ними нависла страшная угроза... Ан нет! Стоит им посмотреть на ракетную базу под Дортмундом глазами федерального канцлера и проникнуться чувством тончайшего аденауэровского юмора, как они тотчас прозреют и возразуются: ах, какое это сча-

стье, что у них под боком усталились в немецкое небо американские ракеты с атомными зарядами! Наконец-то их детишки смогут спать спокойно...

А западногерманские газетчики, должно быть, совершенно утратили всякое чувство аденауэровского юмора, когда писали о советской космической ракете как о величайшем достижении советской науки... У федерального канцлера на этот счет противоположная точка зрения: «То, что германская пресса столько места уделяла новому русскому спутнику, этого я не понимаю. (Вот как тонко иронизирует Аденауэр!) В лунной ракете нет ничего особенного. Сперва ее выстреливают с ужасающим грохотом, а потом — бум! — и она улетела. Ее немножко слышно, и вот она уже исчезла».

Очевидно, именно чувство «особой рейнской разновидности юмора» и позволяет Конраду Аденауэру утверждать, что Германской Демократической Республики не существует, что для жителей ФРГ американско-англо-французская оккупация спустя 14 лет после окончания войны — величайшее благо...

Нацепив на свой парадный смокинг орден «Против убийственной серьезности», канцлер глубокомысленно изрек:

— Это, собственно говоря, орден за юмор. А у кого в такое время, как наше, нет чувства юмора, тот не смеет верить, что он по достоинству оценивает бремя времени.

Вне всякого сомнения, награда орденом «Против убийственной серьезности» послужила существенным подспорьем Конраду Аденауэру, отягощенному «бременем времени», ибо канцлер «при исполнении своих служебных обязанностей» и поныне упорно гнет свою «юмористическую» линию. И не поэтому ли западные немцы все чаще задумываются над своим будущим с «убийственной серьезностью»?..

В. МЕНЬШИКОВ

ЛИЦО — ЗЕРКАЛО ДУШИ.

Рисунок из французского журнала «Франс нувель».

В О ДВОРЕ старого, ветхого дома, у большой кучи неубранного снега подле дровяного сарая, стояли и разговаривали двое: дворник дядя Паша и столяр-краснодеревщик Постромкин.

Столяр, степенный, благообразный, с аскетическим, иконописным ликом, очень худой, говорил глухим басом.

Наклонив мощное туловище и опираясь обеими руками на деревянную лопату с длинной ручкой, дядя Паша отвечал ему хриплым высоким тенорком.

— И, значит, берет он, подлец, самую обыкновенную денатурку,— рассказывал дворнику Постромкин, покашливая и иронически шурясь,— де-на-ту-рированный яд, то есть спирт за пятнадцать рублей пол-литра...

— Который с адамовой головой? И косточки перекрещенные? Синенькая такая наклейка?

— Ну да, правильно, с черепом. Потому— обыкновенный яд. Берет он, подлец, значит, этот самый обыкновенный яд, выливает в самую обыкновенную кастрюлю, кладет туда обыкновенного сахара...

— Сколько сахара кладет?— живо спросил дворник дядя Паша.

— Не знаю, брат! Кладет, значит, подлец, сахару, кладет туда еще чего-то для цвету...

— Чего кладет-то для цвету?

— Не знаю. Его секрет!

— Все секретничают, едят твою мышь! Все скрывают!— сказал дворник и с ожесточением сплюнул на снег.

— Да ты обожди, не перебивай! И затем ставит он эту обыкновенную кастрюлю на

обыкновенный газ и кипятит, братец ты мой, в самую препорцию. И получается у него, у подлеца... коньячок! Посмотришь на свет — натуральный армянский «Вдвинь», семьдесят восемь рублей бутылочка. Золото! Огонь!

— И не воняет?

— Ну, как не воняет! Подванивает, конечно. Потому денатурка, обыкновенный яд, его, брат, ничем не отшибешь. Но... забористый!

— Здорово шибает?

— Не приведи господь! Один... с нашего переулка... портным работает в ателье, сидит на брюках, ослеп после этого коньячку!

— Совсем ослеп?

— Очухался на третий день!

— Тогда слава богу!— сказал дворник, широко улыбаясь.

— Вот именно! Я, говорит, все вижу сейчас в сумеречном свете. А сам икает! Так, понимаешь, икает, будто из него пробки высасывают...

— Врача вызывали?

— Своими средствами обошлись. Поднесли ему, сердечному, ромашку, огурчика дали; выпил, пожевал... Рассеялся!

— И сейчас... ничего?

— Ничего! Тычет, тычет ниткой мимо иголки, но все ж таки попадает в конце концов. Очки купил!

Приятель посмеялся.

Дворник дядя Паша бросил одну лопату снега на кучу и сказал:

— А тут одна старушка, недалеко от двора моего проживает, бражку варит. Ну и бражка!

— Крепка?

— Что крепка — это, брат, еще не фокус. Она того добилась, старая ведьма, что бражка у нее в самую мозгу бьет. И скоро-стрелкой! Недавно свадьба гуляла, где деверь живет. Вся квартира гуляла. И старушка эта свадьбу обеспечила своей бражкой... Ну, было дело под Полтавой!

Дядя Паша покачал головой и даже зажмурился от удовольствия, вспоминая

«дело под Полтавой», участником которого он, надо полагать, был сам.

— А что было-то под Полтавой?— нетерпеливо спросил столяр.

— Через полчаса уже вся квартира дралась! Даже дети! Как сумасшедшие стали. Все в квартире перебили начисто, на двор выкатились всей свадьбой и там дрались! Жениху не то ухо, не то нос, не то еще что-то откусили в драке.

— Закусили, значит? Вместо стюдя!

— Ага! Пять милиционеров приходили разнимать. Трем гостям по пятнадцать суток дали. Вот это бражка так бражка!

Столяр покачал головой и сказал с той же иронической ухмылкой:

— Вот люди! Травят народ безо всякой совести!

— Паразиты!— подтвердил дворник дядя Паша.— К ногтю их всех надо!..

Они постояли еще, поговорили. Потом Постромкин попрощался с дворником за руку и уже пошел было к воротам, но вернулся и, смущенно потоптавшись на месте, попросил:

— Слушай, друг. У меня тут семейное торжество намечается... У дочери предстоит деторождение... Ты бы свел меня к этой старушке, а? Заранее бы заказ сделать на бражку!

— Давай так на так!— весело сказал дворник дядя Паша.— Ты мне дай адресок этого... который коньячок варит, а я тебе предоставлю старушку с бражкой. Ко мне на днях родня приедет, надо как следует людей угостить. А к старушке вместе сходим, когда дочка твоя произведет на свет что там у нее получится: внука или внучку!

— Пиши!

Дядя Паша вытащил из кармана ватных штанов огрызок карандаша, папиросную коробку и приготовился записывать адресок специалиста по коньячку, от которого слепнут.

...Вот люди!

ДВА СТРОГАЧА

— Здорово, кум!
 — Здорово, друже!
 — Ну, как делишки! Жив-здоров!
 — Мои делишки все наружи:
 Иду купить вязанку дров.
 — Оставь шутить, глава гортопа!
 У вас прекрасные дрова!
 — Так это ж было до потопа,
 Теперь я сам себе глава.
 Сказать ясней! Скажу ясней:
 Дела давно минувших дней.
 Возил дрова соседу, свату,
 Сестре жены, второй жене,
 И все, конечно, туговато
 Платили денежки родне.
 Потом, со мною, без меня ли,
 Растаял уголь, как свеча.
 Ну, что ж еще! С работы сняли
 И— ясно!— дали «строгача»...
 А ты куда метнулся рано
 От всех своих торговых дел!
 — Ищу нежирного барана —
 Котлеты с луком захотел.
 — Смешно директору продмага
 Бежать за каждой отбивной!
 — Прогнали, брат. Пришла бумага:
 Растрата числится за мной.
 Вчера в одном высоком зале
 Была мне банька горяча:
 До самых пяток прочесали
 И— ясно!— дали «строгача»...

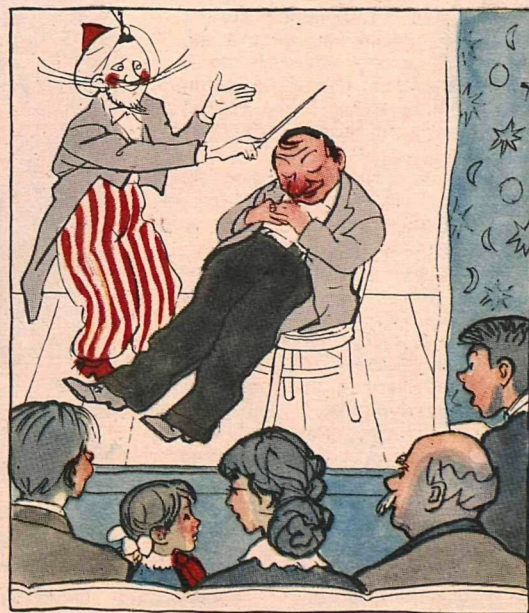
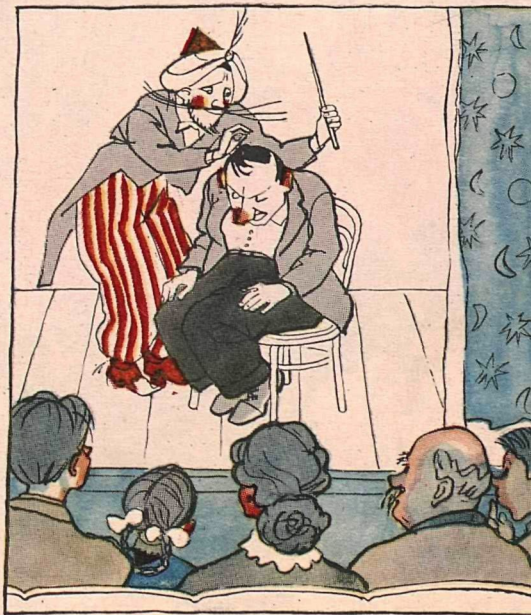
Все ясно из таких речей!
 Хапуг не очень огорчили:
 Они расплату получили,
 Но, может, мало «строгачей»!

Вадим ЗЕМНОЙ

г. Ялта.

СЕАНС ГИПНОЗА

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— А сейчас вы будете делать то, что обычно делаете на работе! Раз, два, три — приступили!

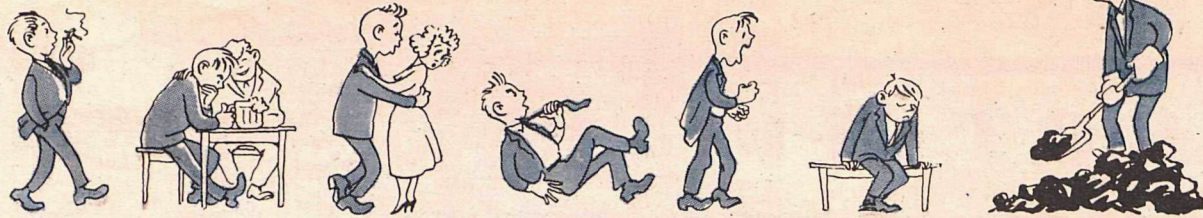

Рисунок М. ЛИТВИНА (г. Харьков) по его же теме, присланной на конкурс.

И. КИСЛИК

КАК Я СТАЛ МУЖЧИНОЙ

Снимая с меня салфетку, парикмахер торжественно воскликнул:

— Вот и помолодели!

Я поднялся с кресла, посмотрел на себя в зеркало и вышел на улицу счастливый. Почему? Могу похвастаться: в этот день я первый раз в жизни брился.

Собственно, особой нужды в этом не было. Там, где у взрослых прорастает густая щетина, у меня всего-навсего пробивался жидкий, цыплячий пушок. От своего дяди я слышал: если этот пушок сбрызнуть в парикмахерской, то начнут расти настоящие усы, как у настоящего мужчины. А мне так хотелось поскорее стать мужчиной!

Была хмурая зимняя погода, но в душе у меня сиял май. Я шел по улицам родного города и смотрел на прохожих влюбленными глазами.

Во дворе одного дома мальчишки, вооружившись палками, гоняли консервную банку. И это называлось у них игрой в хоккей. Я снисходительно улыбнулся и отметил про себя, что мальчишки эти так же далеки от меня, как наша старая планета от искусственных спутников.

Тут я подумал, что по такому случаю не мешало бы и закурить. Сказать по правде, препрогивная штука этот табак. Только закуришь — сразу тошнит, голова кружится... Но мужчина без папиросы жалок, словно заблудившийся ягненок. Купив в ларьке пачку «Беломора», я с отвращением сделал несколько затяжек.

Что ни говорите, а приятно быть мужчиной! Ребятишки зовут тебя дядей, женщины в магазине, обращаясь к продавцу, кричат: «Не отпускайте без очереди этому мужчине!» И вообще чувствуешь, что прочно стоишь на ногах в свои семнадцать с половиной лет.

Пройдя несколько кварталов, я встретил своего друга Васю Мамалыгина. Это чертовски хорошо, что мы встретились! Мы хлопнули друг друга по плечу. На его вопрос: «Ну, как жизнь?» — я чуть было не ответил: «Стареем, брат, стареем». Но, вспомнив, что сегодня брился первый раз в жизни, задумчиво произнес:

— Двигается помаленьку.

Вася предложил мне заглянуть в закусочную, «смотить», как он выразился, столь приятную встречу. Я смутился. Не буду врать: мне еще никогда не приходилось переступать порога подобных заведений. Но признаться в этом было неловко: ведь я мужчина.

После первой же стопки я поперхнулся, в моих глазах заблестели слезы.

— Ты плачешь, мой друг? — участливо спросил Вася. — Взгрустнулось, что ли?

Я, разумеется, не мог уронить своего мужского достоинства и не нашел ничего лучшего, как промолчать, обнюхивая со всех сторон корку хлеба, как это делал Мамалыгин. Потом мы эту непри-

ятную процедуру повторили еще раз, а через полчаса нетвердой походкой вышли на улицу.

— Петя, друг мой, дай я тебя поцелую... — Вася обнял меня и действительно стал целовать. — Хошь, за тебя жизнь отдам, хошь, под поезд брошусь?

Я отстранил от себя Мамалыгина и дал ему понять, что бросаться под поезд глупо и старомодно. Вдруг Васю подхватил какой-то приятель, а я, оставшись один, стал раздумывать, как провести остаток воскресного дня. И решил пойти в клуб на танцы.

В клубе было тепло и уютно. Кружились пары, кружилась моя голова. Но, поскольку я пришел в клуб, надо танцевать, ибо нетанцующим здесь делать нечего. Я пригласил девушку с васильковыми глазами. Честное слово, мы с ней недурно потанцевали. Но на вторичное приглашение я получил отказ.

— Терпеть не могу, — сказала она, — когда от мужчины пахнет водкой.

Мне, конечно, было лестно услышать слово «мужчина». А коль ты мужчина, рассудил я, должен проявить настойчивость.

Я потянул девушку за руку, но тут же получил толчок в грудь. Разумеется, удар был слаб, но, тем не менее, я, балансируя и теряя под собой почву, растянулся на полу. Надо мною стали смеяться. Ах, вот как! Эта девчонка хочет сделать меня посмешищем в глазах малокультурной толпы!

Конечно, я не ударил ее, пото-

му что я джентльмен, уважаю женщин и даже уступаю им место в автобусе, если мне сходить на следующей остановке. А в прошлом году, Восьмого марта, я подарил своей сестре флакон тройного одеколона...

Я подошел к этой миловидной девушке с васильковыми глазами и сказал... Не помню, что сказал, помню только, что она густо покраснела. Тут двое парней взяли меня под руки и повели из зала в какую-то комнату.

...Очнулся я в камере предварительного заключения. Голова болит, во рту словно кусок меди, тошнит, мутит. Состояние, скажу вам, незавидное.

Получил, согласно Указу, десять суток. Прикрепили меня к одному штатному грузчику по имени дядя Тимоша. Нас послали на станцию разгружать уголь.

Дядя Тимоша заинтересовался мною:

— За что ж это ты, браток, попал?

— Выпил малость...

— Водочка, она завсегда боком выходит. Пьешь — мед гребешь, а с похмельем, стало быть, беда приходит. И вообще, скажу тебе, молод ты еще, зелен.

Дядя Тимоша встал, поплевал на руки и взялся за лопату.

— Ну, давай, Петя, — сказал он мне ласково, — поехали дальше. Да лопатой работай не как девушка, а как мужчина.

Я отвернулся, снял рукавицу и пощупал подбородок: увы, борода предательски не пробивалась.

г. Клинцы, Брянской области.

Влюбленный маляр.

МНИТЕЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Рисунок М. СОКОЛОВА.

— А не будет ли это лакировкой действительности!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

— В этом парке только статуи спортом занимаются!

ВЛАДИМИРСКИЙ ТУПИК — УГОЛЬНАЯ СТОЛИЦА

В кабинет и. о. директора леспромхоза тов. Антоновича вошел элегантный мужчина. — Скапцов, Александр Федорович, — представился он. — Руководитель партии геологов. Разведем земные недра, так сказать. Из Москвы.

— Очень рад! — просиял Антонович. — А какой ветер занес вас в нашу глушь, на станцию Владимирский тупик?

— У-го-лен! — таинственно шепнул гость. — У вас здесь богатейшие залежи. И, может быть, вы сейчас сидите на каком-нибудь мезозойском пласте. Скоро ваша глухомань преобразится совершенно.

Антонович по достоинству оценил это преимущество и без проволочек выделил гостю соседнюю комнату, где тот и оборудовал себе кабинет.

А через день повсюду появились красочные объявления о наборе рабочей силы в славный отряд Скапцова. Ставки обещались такие, которые в этих местах и не снились.

Но ставки давались не даром. В качестве «вступительного взноса» Скапцов брал от принимаемых по несколько сотен рублей. Идиотских вопросов «как» и «почему» ему никто не задавал.

И вот уже укомплектован штат конторских работников. В их числе два заместителя Скапцова, главбух, личный секретарь, шофер «Победа». Антонович пришел в отчаяние: пятьдесят специалистов леспромхоза переметнулись к геологу. Пошатнулся план лесозаготовок.

— Плавать! Кому нужны ваши осиновые гнилушки? — утешал Антоновича столичный гость. — Из Владимирского тупика пойдет чудный уголь, потекут реки черного золота! Владимирский тупик станет столицей угольной промышленности!

Угольную идиллию чуть не испортил начальник районной милиции Соловьев. Он явился во Владимирский тупик и стал бестактно расспрашивать Скапцова, кто он, откуда и зачем прибыл. Но Скапцов не растерялся. С обаятельной улыбочкой он произнес:

— Сведения секретные. Разглашать не вправе. Смущенный начальник милиции ретировался в свои.

Вот-вот должны были развернуться геологические работы и огромное строительство. По слухам, все железнодорожные составы МПС были брошены на подвоз строительных материалов к будущей угольной столице. Александр Федорович охотно это подтвердил и, между прочим, осведомился:

— Кстати, кто здесь строится? Кому нужен кровельный материал? В мой адрес на днях прибывает шифер.

Произошло столпотворение. Все хотели строить, и всем нужна была кровля. Каждый старался оплатить шифер заранее. Колхозникам Сергею Филиппенку и Алексею Сыпко повезло: они в числе первых вручили Скапцову по две тысячи рублей. Добряк-геолог никому не отказывал и принимал авансы у всех.

В таких вот хлопотах прошло полмесяца. Но однажды Александр Федорович собрался в командировку. Когда он садился в рабочий поезд, с ним не было ничего, кроме пухатого портфеля...

Так исчез «разведчик земных недр». А разини до сих пор не придут в себя. Как разинули рот от удивления, так и не могут его захлопнуть.

И. ШИШОВ

Смоленская область.

Б. МУРТАЗОВ

ДВУСТИШИЯ

Недруга, который сдался, затаился и притих,
Больше всех остерегайся: он опаснее других.

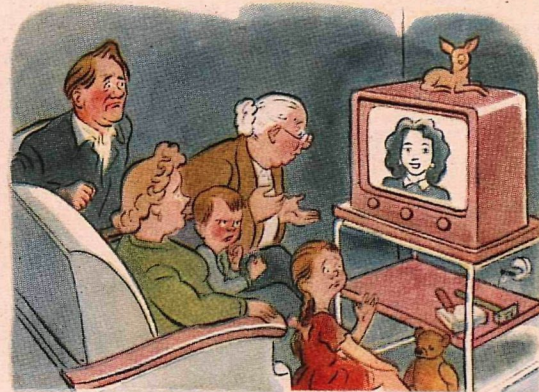
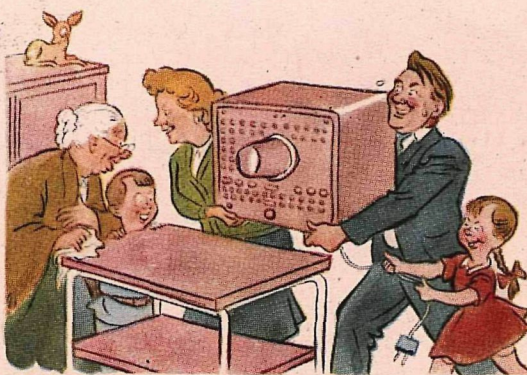
*

Ты стремишься на вершины поэтические
влезть,
Ты достигнешь их, пожалуй... если только
крылья есть.

*

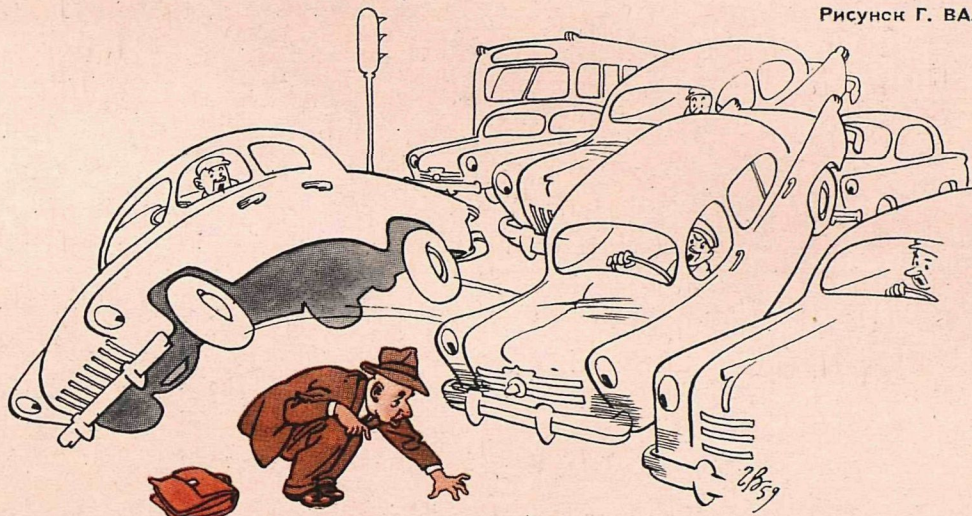
Эх, друзья, если б к песне своей
Мог бы текст сочинять соловей!..

Перевел с осетинского
Ю. ДАНИЭЛЬ.

Приблели телевизор выпуска — Смотрите фильм выпуска 1939 года.

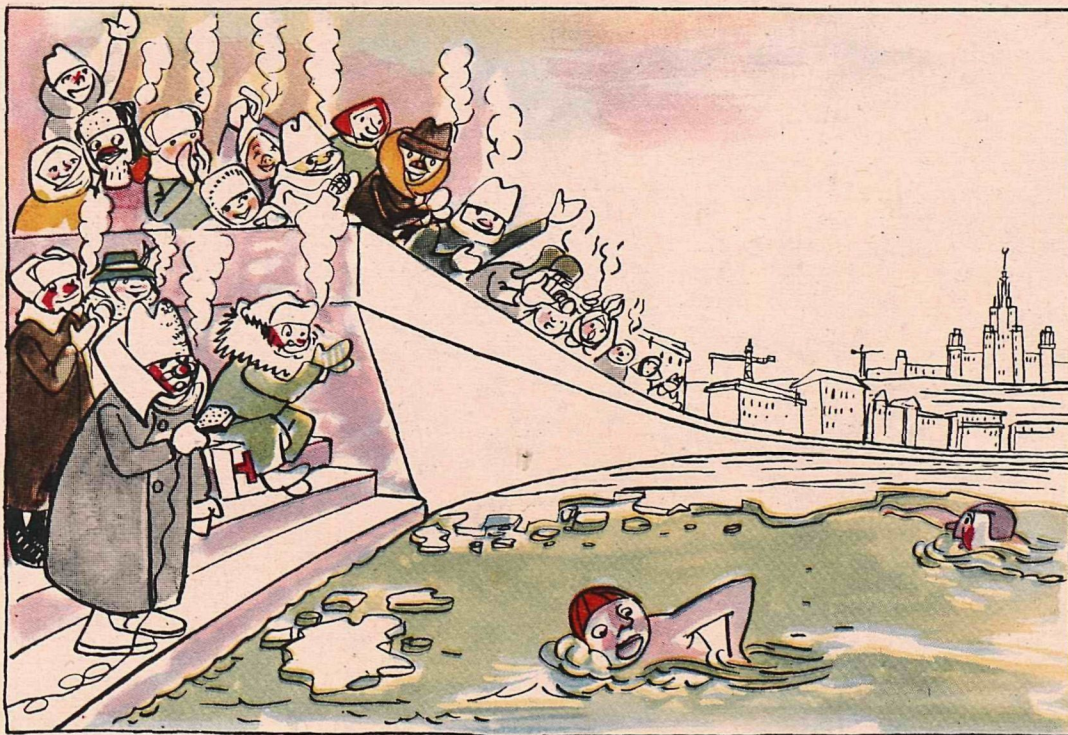
Рисунок Г. ВАЛЬКА.

— Я обронил очки именно здесь!

НА ЗИМНИХ СОРЕВНОВАНИЯХ ПО ПЛАВАНИЮ

Рисунок Б. САВКОВА.

Зрители тепло встречали победителей.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (заместитель главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Издательство «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 00641. Изд. № 257. Подписано к печати 27/II 1959 г. Формат бум. 70x108 1/8. Заказ № 446. Тираж 1 200 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

7088

М

ПАМЯТНИК ПОБЕДИТЕЛЮ В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ.
(Проект Крокодила)

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экзempl.
1959 г.

10 МАР 1959

